

Милая моя девочка, за воротами райского сада
еще жив единорог, ты же знаешь, ты знаешь.

Сиро Синкай

Итуруп

Пожалуй, слишком.

Фамильный макинтош выцвел именно из темно-темно-зеленого. С неожиданными красными прожилками и редкими золотыми блестками, будто под промасленным сафьяном выросла прозрачная плоть и стало можно смотреться в ее глубину. Во времена непоседливых молодых богов такие плащи шили из верхних век бестолковых драконов, выдубленных в крови стойких македонских всадников, высоленных в слезах спартанских женщин, эти плащи меняли на чистые сапфиры, собранные на том самом Другом берегу, — за них отдавали в полон села и пускали на поток города.

Слишком старательные мысли, профессор отучал меня от старательных мыслей.

В восемь лет, стоя на табуретке и примеряя этот плащ перед зеркалом, я сочиняла истории. Про воинов, и первый бой, и последний бой; про красавиц, ожидающих песчаную саранчу; про долгую непогоду, мудрых стариков и тягучие яды, прожигавшие в зеленой коже тонкие шагреневые прожилки.

И снова чересчур старательные. Как сложно бежать от этого, когда образцы смотрят на тебя с книжных полок, соблазняют и обезоруживают своей наивностью и гениальной пошлостью.

В четырнадцать я могла примерить макинтош уже без табуретки, и по плечу он был мне впору. В этом

возрасте я уже не очень верила в бравых воинов и прозорливых старцев, хотя... Немного еще верила, да, все-таки верила. И книжки читала, и грезила об Атлантиде, и в тухлом ветерке, прилетавшем с залива, надеялась услышать дыхание ледяной, великой и забытой ее детьми Гипербореи, и в октябрьских закатах, которые длились часами, видела отблески минувшего Эльдорадо.

Чуть лучше.

В мои двадцать два отец снял макинтош с вешалки и с улыбкой вручил мне, сказав, что неплохо бы его починить. С тех пор плащ висел в моей комнате и ждал своего часа.

Макинтош давно утратил первоначальный опрятный вид, но приобрел все качества настоящей, служившей вещи: потертость в плечах и на локтях, оторванные карманы, сжеванный воротник и несколько обугленный правый рукав, ну, и четыре знаменитые дырки — аккуратные на правой лопатке, там, где пули вошли в спину моего прадеда, и широкие с правой стороны груди, где эти пули вышли.

Я изучала эти дырки, разглядывая сквозь них потолок каюты и размышляя, как прадеду удалось выжить после такого славного ранения. Еще думала — стоит ли забрать эти дырки каучуковыми заплатами или все же залить их прозрачной жидкой резиной? Остановилась на заплате — ходить с дырками было, пожалуй, чересчур эпатажно даже в предстоящем путешествии. Я велела принести все необходимое и вулканизировала пулевые отверстия.

Потом я примерила плащ, потому что время его настало.

Он долгие годы висел в кабинете отца на почетном месте и считался семейной реликвией — от отца к сыну вместе с саблей, землей и дворянским состоянием. В отсутствие братьев и сестер все это отходило

мне, благо после Реставрации и землю, и титулы могли наследовать и лица женского пола.

Предки отличались и ростом, и сложением, так что плащ был несколько мне велик, но это обстоятельство не особо смущало — погода на островах часто стояла промозглая, так что я намеревалась надевать под плащ свитер. В целом макинтош оказался весьма удобной и родной вещью, надеваешь, и между тобой и миром появляется что-то надежное, действительно надежное, прадед ведь выжил.

Конструкция плаща отличалась прочной довоенной продуманностью, в наши, окончательно одно-разовые времена такой найти трудно. Под мышками и на спине были особые карманы, при попадании в воду эти полости наполнялись воздухом и не давали хозяину вещи утонуть — именно это приспособление спасло отца, когда его без сознания выбросило за борт «Конестоги», той самой. Я отметила, что эти карманы несколько мешают, не то чтобы сковывают движения, но создают незначительное неудобство, натирая под мышками, их можно было без ущерба для кроя вырезать, но из соображений скорее суеверных я эти пазухи решила оставить, мало ли? К тому же в одной из полостей с левой стороны совершенно неожиданно мною была обнаружена золотая монета, стертая из-за ношения под рукой, на ней не просматривались ни властитель, ни год, но смутные очертания хищной птицы на аверсе угадывались. Я хотела извлечь ее, но подумала, что она могла быть помещена за пазуху не случайно, возможно, это был талисман кого-то из моих предков, так что я лишь протерла монету и вернула ее обратно, надшив вокруг гурта неширокий бортик, чтобы монета сидела как бы в гнезде.

По бокам плаща раньше крепились проушины, судя по всему, с их помощью на спине фиксировалась кевларовая черепаха или иное защитное приспособле-

ние, до наших дней не дошедшее. Заплаты на их месте разошлись, задрались и тоже требовали ремонта. Я вооружилась паяльником, клеем, иголками, плетеной леской, вулканизатором и утюгом, и пока наш сухогруз пробирался на запад, чинила и подгоняла макинтош под себя. Сначала я хотела его несколько укоротить, но, поразмыслив, пришла к выводу, что делать этого не стоит — глупо разрушать проверенный временем функционал в угоду сомнительной эстетике, плащ должен оставаться плащом. В результате я сохранила длину макинтоша, но, чтобы он не выглядел окончательным мешком, приплавил в районе талии двойные хлястики для оружейного пояса.

Чтобы руки не болтались, я снабдила просторные рукава прорезными пряжками, так что при желании можно было увеличивать или уменьшать размер обшлагов, кроме того, излишки рукавов теперь складывались на предплечьях почти вдвое, что позволяло закрепить их ремнями и использовать в качестве щита, допустим, если на тебя кинется собака... Хотя там, судя по всему, нет собак. Но броситься может и китаец, и тогда усиленные рукава помогут.

По совету отца спереди, на внутренней стороне плаща, там, где проходила линия застежек и клапанов, я нашла несколько продолговатых бляшек, вырубленных из дюралевого листа, — для того чтобы не путаться в полах, а отбрасывать их в сторону одним движением. Это дало определенный эффект — пистолеты я стала доставать быстрее.

Прибавила карманов, в том числе и потайных, — карманы в путешествии вещь неоспоримо важная. Хотела приделать эполет, но вовремя спохватилась — профессор Ода рекомендовал как можно меньше выделяться среди жителей острова и тут же ехидно поправлялся, что мне, конечно, не грозит остаться незамеченной. Эполет я решила не шить, вместо него

нарастила на плечи накладки из толстой буйволиной кожи, потратив на эту операцию два часа. У меня было прекрасное настроение, запах плавленной резины радовал, качка, терзавшая первые дни плавания, уже не изводила, и даже исколотые иголкой пальцы приятно болели, а приготовления к высадке вносили в душу уверенность и успокоение. Я готовилась увидеть остров, старалась предчувствовать его, и отчасти мне это удавалось. В иллюминатор моей каюты било солнце, я знала, где оно висит в полдень, и компас на столе тоже указывал направление, но и без солнца и компаса я знала, где он.

Приготовив костюм, проверив застёжки, шнуровки, заклепки и клапаны, молнии и карманы, я приступила к снаряжению макинтоша; требовалось заполнить его предметами, которые могли бы пригодиться в экстренной ситуации и облегчить мой путь. Я не собиралась оригинальничать, ничего необычного с собой не брала, только самое необходимое. Складной нож с многочисленными инструментами, от отвертки до пилы и плоскогубцев. Всепогодная зажигалка, приспособленная для розжига как в сухую погоду, так и в слякоть; к ней прилагался титановый бокс со спичками, горящими под водой. Герметичный пластиковый кейс для документов. Фонарик, миниатюрный, размером с палец, способный, однако, светить двенадцать часов. Фальшфейер. Карманная аптечка, в которую включался основной набор антибиотиков, обезболивающее, адсорбенты. Походную аптечку я укомплектовала заранее, и там набор медикаментов был более внушительный. Не забыла я и стеклянный пузырек, припасенный мною для земли. Я поместила его в особый продолговатый карманчик, укрытый за подкладкой. Вроде все.

Я примерила макинтош и в очередной раз подивилась тому, насколько ладная получилась одежда. Смотрелась я в ней так хорошо, боевито и опытно,

что я рассмеялась, выхватила пистолеты и рассмеялась еще громче — из зеркала смотрела вполне себе воинственная особа, готовая в случае чего прострелить вражескую коленку. Вот, например, этому помощнику капитана с сокрушительным именем Тацуо: слишком уж часто и не по чину посматривает. С железным коленом он стал бы выглядеть гораздо представительнее, солиднее, по-морскому, надо, чтобы оно скрипело еще. Хотя он подобного прострела не перенесет, он ведь презирает свою «Каппу» и наверняка грезит об «Эноле», а туда хромоногих не принимают, туда и не хромоногих далеко не всех принимают.

Я села на кровать и стала ждать. Слушала море, бьющее в борт, Ину, периодически сверялась с картой, прокладывая курс и просто сидела, так вот, вытянув ноги.

В полдень в шестидесяти милях от порта с сопровождающего миноносца приказали перейти на самый малый ход; «Каппа» покорно замедлилась, а потом и вовсе остановилась, резко, словно наткнувшись на хребет спящего дракона. По столу со звоном покатился стакан, красные пахучие звезды качнулись под потолком и сцепились лучами, завопили сирены, и я поняла, что тревога, кажется, боевая. Поднялась на палубу.

Ни команды, ни рабочих, ни кого-либо еще видно не было, помощник услужливо разъяснил, что в соответствии со штатным расписанием во время боевой тревоги посторонним лицам находиться на палубе категорически запрещается, но для меня капитан сделал исключение. Помощник Тацуо выглядел важно, на шее у него болтался бинокль внушительных размеров, а сам он старался держаться с достоинством, осанисто, с определенной долей превосходства над таким сухопутным существом, как я. Впрочем, что-то заискивающее в его фигуре все же было. Я поинтересовалась причиной задержки и тревоги, помощник, не отрыва-

ясь от бинокля, ответил, что мы встретили призрака, примерно в пяти милях к северу, и теперь его будут топить. Тацуо протянул мне бинокль, но перед тем, как посмотреть, я подождала несколько секунд, пока медные окуляры остынут от неприятного тепла его кожи.

Похоже, что траулер. Старый, без опознавательных знаков, но в хорошем состоянии, вполне себе на плаву, разве что корма немного просела, а так даже краска сохранилась. Типичный призрак. Ближе к матерiku его бы, пожалуй, осмотрели, но здесь с этим возиться вряд ли будут, слишком хлопотно и опасно, да и нет у миноносца такой задачи, так что действительно потопят. Вряд ли это беженцы, скорее всего, еще довоенная посудина, вытасченная в море последним цунами.

Я посмотрела на запад и в подтверждение своих мыслей увидела «Энолу», выходящую на боевой курс. Она ускорялась, зарываясь в волны. Неужели используют торпеду? Для цели, недостойной хорошего снаряда? Ее же легко можно разнести из пушек, каждый вакуумный кайтэн стоит как двухэтажный домик на четвертой линии...

Но Императорский флот был верен традициям и потому презирал экономию. Миноносец резко изменил курс, и тут же под призраком вздулся гигантский водяной пузырь. Он поднял траулер над океаном и лопнул с протяжным вздохом. Траулер обрушился в возникшую воронку и сгинул, вода на поверхности вскипела. Все.

Пришла слабая ударная волна, она хлестанула по нас острой соленой дробью и сорвала с меня капюшон. Помощник капитана предусмотрительно придержал свою фуражку рукой и улыбнулся. Он определенно мечтает служить на военном флоте, с детства мечтал, но не получилось. Возможно, из-за здоровья, но, вероятнее всего, подвело происхождение: в помощнике угадывалось нечто неуловимо корейское.

Пришла волна обычная, «Каппу» повело в сторону, и помощник попытался поддержать меня под локоть, за что немедленно получил. Он тут же отобрал у меня бинокль и сказал, что нам повезло — не каждый рейс удается увидеть такое представление, это хорошее предзнаменование, водные духи будут к нам милостивы. Но, с другой стороны, и не повезло — теперь мы наверняка не успеем до сумерек, а это не есть хорошо.

Он оказался прав — «Каппа» вошла в залив поздним вечером. Погода злорадствовала: ветер сменялся дождем, остывающее дыхание вулканов стекало в море ручьями и серым туманом, сквозь который не прорывались ни огни порта, ни свет маяка, ни газовые факелы дальних обогатительных станций. Капитан не спешил приближаться к берегу, сухогруз стал на якорь на рейде Курильска, и там мы пробыли до утра, ожидая, пока ветер отгонит от берега мглу и можно будет продвигаться наверняка.

Машины перешли на холостой ход, вибрация, изводившая меня с отплытия из Кито, прекратилась, стакан не дребезжал на столе, ночник перестал рвать, и стало тихо. Только сушеные морские звезды покачивались под потолком и с деревянным звуком стукались друг о друга.

Я хотела выспаться перед завтрашней землей, но не вышло. В ушах будто вата, и вместе с ней отчего-то мигрень, я достала саквояж и из него походную аптечку. Пихтовое масло в треугольном флаконе. Если втереть по капле в каждый висок, то боль скоро отступит, кроме того, оно отлично помогает от морской болезни и от простуд.

Я прилежно втирала масло пять минут, сначала по часовой стрелке, потом против, разгоняя кровь, чувствуя, как тепло поднимается к затылку, спускается на шею, впитывается в позвонки. Чудесное средство. Бабушка утверждала, что именно с помощью него ей

удалось поднять на ноги моего деда, простудившегося в легендарном Северном Походе и заболевшего там ревматизмом. Дед передвигался на костылях и с трудом говорил, и лишь чудесное пихтовое масло, баня и компрессы из меда поставили его на ноги. Мед у меня тоже имелся, но совсем немного, и я не собиралась использовать его без особой на то надобности.

Мигрень отступила, но почти сразу за стенкой завыл Ину. Никто точно не знал, как его звали, помощник капитана сказал, что они зовут его Ину, как всех каторжан. Обычно Ину рыдал днем, к сумеркам он уставал и только горько всхлипывал, окончательно замолкая в темноте, но сегодня все случилось наоборот: Ину стонал, проклиная судьбу, гремел цепями и стучал миской об пол. Я могла попросить помощника, и тот наверняка отыскал бы способ утихомирить буйного, но, если честно, помощника мне видеть совсем не хотелось. Стоны становились все протяжней и убедительней, я не могла оставаться в каюте, меня охватило странное волнение. Я поднялась на палубу.

Здесь было людно. Человек пятьдесят в оранжевых комбинезонах — полугодовая смена — стояли у лееров и курили, разглядывая проступающий сквозь туман остров. Иногда кто-то из рабочих шутил, нюхал воздух, отчетливо пахнувший серой, и указывал папиросой в сторону берега. Остальные смеялись, но невесело — им предстояло провести шесть месяцев на фабриках, производящих германий, на зольных отвалах, на конденсаторах золота, в очистных забоях и шлаковых полях. А некоторых ждала дорога на Кудрявый — жемчужину Северных Территорий, место, где из палящего дыхания бездны выпаривался драгоценный и незаменимый рений. И те, кто стоял, курил и смеялся в этот вечерний час на палубе «Каппы», знали, что домой вернутся далеко не все, а те, кто вернется, останутся калеками — с силикозными лег-

кими, с распухшей печенью, полуслепые, с лицами, съеденными саркомой. Но те, кто переживет эти полгода, до скончания дней своих будут обеспечены: едой, водой, борделями, медициной, неотчуждаемым клочком земли, на котором он сможет вырастить дерево, на котором он умрет счастливым.

Эторофу. Население 1385, не учитывая сменных рабочих.

Инфэруно. Население 1385, не учитывая сменных рабочих.

Итуруп. Мы должны были пробыть здесь сутки. Отдать смену, принять смену, разгрузить припасы и технику и забрать контейнеры с рением, золотом, с другими редкоземельными элементами.

Я не собиралась оставаться на судне все это время. В планах было посетить окрестности Курильска, побеседовать с мэром и выполнить кое-какое поручение, которым меня обременила матушка и отказаться от которого не удалось.

Помощник капитана два раза прошел мимо в парадном кителе и с короткой саблей, которую он зачем-то прицепил к поясу, видимо, пытаясь произвести на меня впечатление. Но впечатление он производил в основном на рабочих, которые при его приближении замолкали, а едва он удалялся, начинали хихикать и передразнивать его индюшачью походку и жеребцовую осанку.

В полумиле от нас к северу в море вспыхивали и гасли зеленые огни — это была едва различимая во мгле «Энола», миноносец сопровождения Императорских сил береговой охраны, при свете дня похожий на суетливую снежную борзую, а по вечерам напоминавший хищного острорылого осетра. Он тоже ждал погоды, щупал туман дальними сканерами и готовился. Здесь не водилось пиратов, но случалось, что из Охотского моря приносило мертвые субмарины, столкновения с кото-

рыми не перенес бы ни один сухогруз, их топили на дальних подступах. Рением рисковать нельзя. «Энола» была нашей тенью, чем вызывала в команде периодические приступы гордости: миноносец сопровождения во всем флоте полагался только двум судам — «Каппе» и «Астре», личной яхте Императора. Особенно это вдохновляло помощника Тацуо, он, кажется, в любой момент дня и ночи мог сказать, где находится миноносец, как я знала, где Сахалин. Тацуо то и дело поглядывал в сторону рейдера, как бы поддерживая крепость своего духа мощью вакуумных торпед «Энолы».

Если честно, сегодня я впервые увидела ее на таком расстоянии. Их всего пять — «Тикандерога», «Мак Артур», «Айова», «Роберт Ли» и «Энола», рейдеры седьмого поколения. О них слышали все, но мало кому удавалось наблюдать их вблизи, так что некоторые считали, что миноносцев нет, что это слухи.

Но «Энола» существовала на самом деле, я смотрела в сторону океана, и раз в полминуты по лицу пробегала колючая волна от ее локаторов. «Энола» ждала. А мне ждать наскучило, и, постояв на палубе около получаса, я спустилась к себе, закуталась в плед и уснула. Мое путешествие началось.

Я рано проснулась. Рабочих на палубе уже не было, всю шла разгрузка, выли сиренами краны, скрипели тросы и лязгали цепи. Здесь не осталось ничего интересного, поэтому я закинула на плечи рюкзак и отправилась на прогулку. Кажется, я улыбалась. Точно, улыбалась, это ведь была моя первая чужая земля.

Мэр Курильска принял меня доброжелательно. И хотя у него в связи с прибытием «Каппы» возникло множество неотложных дел, он тем не менее отключил от линии телефон и уделил мне час своего времени.

День разогнал утренние тучи, выглянуло солнце, мэр пригласил меня выпить с ним чаю на веранде здания администрации, с видом на вулкан и морской

порт. Мы устроились в старинных глубоких креслах, и человек принес чай на золотом подносе и в золотом же сервизе, и сам чай содержал некие едва уловимые глазом блески. Я слыхала о подобном. Ну, что начальники Северных Территорий чуть ли не поголовно сибариты и склонны к тайной роскоши. Теперь, прихлебывая чай, я думала, что в этих рассказах имелся некий резон. Впрочем, металл кружек был слишком уж светлым, вполне могло статься, что мэр пытался произвести избыточное впечатление.

Чай пришелся кстати — я до сих пор пребывала в некоей отстраненности и никак не могла ощутить новую реальность, хотя она и была под ногами, вокруг, она дышала, гремела и воняла и кружилась в чашке золотой метелью.

— Наша продукция, — мэр с удовольствием позвенел ложечкой по чашке. — Высшая проба, между прочим.

— Золото? — несколько провокативно уточнила я. — Или все-таки электрон?

— Как можно? — Мэр притворно оскорбился. — Электрон... Ну что вы, конечно, золото. Правда, не могу похвастаться, что чистое.

— Палладий?

— Немного, — улыбнулся мэр. — Золото, согласитесь, само по себе...

Мэр опять с удовольствием постучал ложечкой по чашке, и звук получился высокий.

— ... золото есть скучный металл. Это...

Снова «дзинь-дзинь».

— Это лучше, чем золото. Палладий, около двадцати процентов платины и, разумеется, он.

— Рений.

— Да-да, это он. Мы извлекаем около тонны в год... Впрочем, золота больше. Чай повторить? Есть травяной, есть натуральный, из старых запасов.

Мэр пошевелил бровями, чтобы я поняла, что это действительно *старые* запасы.

— Пожалуйста, натуральный.

Мэр принялся разливать чай, а я позволила себе отвлечься на вулкан и море. Вулкан затягивали легкомысленные облачка, вокруг «Каппы» суетились краны и погрузчики, море было спокойно, вдалеке, прикрывая вход в залив, белой стрелой застыла «Энола».

— Мне сообщили о ваших намерениях, — сказал мэр. — И они, безусловно, благородны. Мы очень рады, что Департамент Этнографии наконец решил послать инспектора...

Мэр снова пошевелил бровями в мой адрес и продолжил:

— Мы счастливы встретить инспектора, который откроет глаза этим фанфаронам в столице на наше положение. И я очень рад, что сюда прибыли именно вы, молодая, образованная девушка из хорошей семьи. Вы совершенно правы, что начали свое путешествие именно отсюда, мы — форпост Северных Территорий, фактически ворота. Я бы даже сказал, врата. Оплот!

Мэр хихикнул. Я попробовала натуральный чай, он оказался действительно не так уж плох, во всяком случае, не наводил на мысли о сушеных тараканах и вяленых лишайниках, вода же явно из опреснителя, но в меру жесткая, наверное, все-таки с таблетками. Надо привыкать, вряд ли на самом Сахалине можно легко раздобыть чистой воды, так что пренебрегать фильтрованной водой, водой восстановленной или исправленной не стоит.

— Я, собственно, не инспектор, — возразила я, вежливо отодвинув чашку. — Скорее, этнограф и полевой наблюдатель, инспекционные функции мне не присвоены, моя задача — дать общую картину. Вернее, не общую картину, а впечатление, некий...

— Да-да, — кивнул мэр. — Все понятно, я читал представление...

Он улыбался, а я видела, что ничего ему не понятно и что он сейчас интенсивно пытается просчитать, действительно ли я не инспектор или нет, или, может, я избалованная, пресыщенная дура, решившая развлечь себя столь диким способом; говорят, такие опять завелись в Токио. Господина мэра настораживала прикладная футурология, слишком уж необычная.

— Департамент Этнографии... — Мэр почесал ложкой лоб. — У него... широкие интересы, кажется.

— Чрезвычайно широкие, — подтвердила я. — Например, нам исключительно интересен этнический состав Итурупа, в частности, как влияет национальность рабочего на производительность труда. Понимаете, эти данные...

Но мэр, разумеется, уже не слышал. Он добавил себе в чай еще одну порцию эрзац-сахара, вздохнул и, не слушая меня, принялся подготовленно жаловаться: национальный состав ему совершенно безразличен, да и едут сюда только китайцы, а разбираться в оттенках китайского... материала он просит его уволить, три китайца разговаривают и друг друга не понимают, это всем известно. Корреляции между выработкой нормы и этнической принадлежностью рабочего лично им не выявлены, и он повторяет — на все это ему глубоко наплевать. А вот на что ему не наплевать, так это на то, что Департамент тяжелой промышленности раз за разом присылает не рабочих, а каких-то неумных обжор, которые жрут гораздо больше, чем трудятся. Он трижды подавал в Департамент предложение подвергать всех заключивших контракт китайцев принудительной резекции желудка, но его записки остаются безответными, обжоры прибывают целыми сухогрузами, а снабжение год от года все хуже. Каждому ра-

бочему полагается по два белковых концентрата, на самом же деле до потребителя доходит всего один, второй же капитаны сухогрузов списывают под предлогом гнили и продают на черном рынке в Южном, недостаток же питания приходится компенсировать соленой черемшой. Да и качество тех белковых концентратов оставляет желать лучшего: рацион несбалансированный, откровенно дрянной, у рабочих и у технического контингента непрекращающиеся расстройства желудка (неприлично сказать, но его заместитель — мэтр Тоши, достойнейший муж, — вынужден пользоваться пластиковыми подгузниками, а он, между прочим, давно не мальчик). А в опреснителях черви, там нужно менять кассеты раз в декаду, а их не хватает, поэтому кассеты меняются раз в три месяца, и приходится давать рабочим скверную воду, от которой черви заводятся внутри самих рабочих. С барбитуратами ситуация просто катастрофическая, их не поставляют скоро уж год, приходится компенсировать их отсутствие повышением норм выработки, потому что если не повышать нормы, то рабочие начинают собираться в бараках и рассуждать вслух. Но если повышать нормы, то амортизация рабочей силы резко возрастает, в результате чего под конец контрактного срока резко падает производительность труда, а аварийность на производстве, напротив, увеличивается, на обогатительных же фабриках задействовано сложное оборудование, и если, к примеру, в сепаратор падает какая-нибудь китайская образина, то после этого сутки сепаратор приходится чистить, а брикеты на повторную переработку...

Я попыталась прекратить этот вопль, но мэр продолжал и уже дошел в своих жалобах до погоды, которая у них обычно здесь, *как назло*, и на крыс, которых много, но которые, *как назло*, несъедобны, на отравителя, заведшегося в бараках, — травит без всякого

разбора и смысла, а поймать его никак, на планы добычи, повышаемые с каждым годом. Планы повышаются, а присылаемый контингент им решительно не соответствует! Доходит до курьезов — иногда из-за низкой квалификации... да чего уж там говорить, из-за бестолковости рабочих горное управление вынуждено посылать на оголившиеся участки своих сотрудников. Мэтр Тоши был вынужден два дня проработать на Кудрявом, и теперь у него реактивный артрит.

В конце мэра еще раз пожаловался на погоду, которая, *как назло*, делает все, чтобы помешать выполнению обязательств. Ветер стал холоднее, а промозглость промозглее; чтобы согреться, тот же мэтр Тоши вынужден принимать по две термальных ванны в день, от этого у него выпали волосы и потрескалась кожа.

— А вулканы? Вулканы пробуждаются, — вздохнул мэра. — Сейсмоактивность растет с каждым годом. Тектоника нестабильна, а у нас из трех сейсмографов исправен один! Того и гляди взлетим на воздух. И во имя чего?!

Мэра сказал это слишком эмоционально и тут же осекся.

— Я все понимаю, — поправился он. — Все понимаю! И остальной персонал тоже все понимает! Двигатели нового поколения, прорыв в технике, перспективы, но и вы меня поймите — нам очень тяжело! Очень!

— Я не инспектор, — повторила я. — Я всего лишь футуролог. Департамент Этнографии, кафедра прикладной футурологии Университета, это есть в моих бумагах.

Но мэра только понимающе улыбнулся, давая понять, что я могу говорить все, что угодно, но его не обмануть, он старый волк и футурологов на своем веку повидал немало, и прикладных, и вообще всяких.

— А цунами?! — скорбно вопрошал мэр. — Это же невыносимо... Они приходят каждый год! И хотя мы сделали все, чтобы свести последствия к минимуму, но каких усилий это стоило! А они все выше и выше! Мы не можем поднимать береговую линию до бесконечности!

Мэр стал рассказывать про цунами, которые совершенно разнуздались, что прошлой осенью мэтр Тоши инспектировал дамбы и был неожиданно смыт в залив, нахлебался воды и из-за этого приобрел язву желудка, которую вынужден лечить подручными методами, а это усугубило...

Я мучительно соображала, зачем я решила зайти к мэру, то есть, разумеется, не зайти к нему неприлично, но терпеть всю эту галиматью про цунами и чирьи не было никаких сил. Кажется, мэр это и сам понимал, но остановиться уже не мог, отрабатывая роль усердного чиновника, озабоченного процветание вверенных ему земель. Пришлось терпеть. Профессор Ода учил терпеть. Бред, безумие, снова бред, терпеть, слушать, слушать, подготовленный мозг выбирает из потока бестолкового шума сияющие ноты разорванной песни...

Все равно невыносимо. Мэр Итурупа был невыносим и подозрительно сильно пах сушеным кальмаром, так что приходилось держать мимику под контролем, чтобы не позволить лицу растечься в брезгливой гримасе. Это нелегко, так стараться, но водные духи смиловивились — рассказывая о шайках хищников, повадившихся шастать по зольным отстойникам, мэр поперхнулся чаем, покраснел и замолк, смутившись. Я сочувственно похлопала его по спине и поинтересовалась, как найти экклесию Св. Фомы и ее настоятеля, к которому у меня есть поручение.

Мне показалось, что упоминание об экклесии вызвало у мэра грусть, но он быстро взял себя в руки.

— Патэрен Павел — наша головная боль, — сказал мэр с сожалением. — Горная администрация выделяет на его заведение некоторые средства, знаете, для призрения тех, кто недужен настолько, что вернуться домой не в состоянии. А он, вместо того чтобы утешать страждущих, лишь смущает их умы...

Мэр протер лоб платком.

— Впрочем, другого патэрена у нас все равно нет, — философически заметил он. — Кто сюда поедет, кроме фанатика? А печали требуют утоления всегда.

Я была с этим согласна. Поблагодарила за обстоятельный рассказ и, сославшись на недостаток времени, удалилась. Мэр подарил мне золотую ложку и выделил для сопровождения к экклесии чиновника.

Этим чиновником оказался пожилой человек весьма скорбного вида, измученный и безрадостный, как природа, нас окружавшая. Видимо, тот самый мэтр Тоши, с пальцами, распухшими в суставах, с выпуклыми коленями и с коричневой лысой головой и, кажется, действительно в подгузниках. По исходящему от него запаху нетрудно было догадаться, что мэтр многочисленно болен и что подвергал свои недуги исцелению разными, в том числе и глубоко народными, средствами: язву желудка он врачевал, судя по всему, спиртом и, кажется, придерживался в лечении принципа «мази много не бывает».

Мы с мэтром Тоши надели поверх обычной одежды еще грязные пластиковые плащи и зашагали по дороге, проложенной вдоль моря. Местность, лежавшая окрест, производила удручающее впечатление: то тут, то там виднелись двухэтажные бараки, судя по виду, построенные еще до войны, покосившиеся, с проржавевшими стенами, с подпорками из выловленных в море бревен и ржавых рельсов. Отличить жилые бараки от брошенных было невозможно — все крыши покрывали мох и лишайник, окна забраны пластиком.

выми щитами и пленкой, а кое-где и камнями. Рядом с бараками виднелись и другие жилища, сложенные из чего попало: из потертых тракторных покрышек, кабин бульдозеров, перевернутых лодок, плавника, разрезанных нефтяных бочек.

Между постройками в беспорядке лежали детали различных машин, вероятнее всего использовавшихся в горных и химических производствах. Котлы, фермы, колеса и поршни, огромные, в человеческий рост и выше, изъеденные кислотой, коррозией и давлением, страшные, точно на самом деле побывавшие в инфэрну, впрочем, может, так оно и было. Глядя на них, я думала: что же здесь творится с людьми, если не выдерживают машины?

Зелени не было видно, хотя лето стояло в разгаре, лишь кое-где из-под сажи и ржавчины проглядывала трава, которая выглядела здесь чужеродной.

Не встречалось и людей. Никого. Окрестности Курильска оказались безлюдны и пустынно — все население, по-видимому, сосредоточилось в промышленной зоне и возле вулканов, лишь возле одного жилища, которое плохо соотносилось со званием дома, сидел седой и с виду абсолютно сумасшедший старик.

Мэтр Тоши, кажется, бесконечно вел меня вдоль берега, лишь изредка останавливаясь для того, чтобы покашлять, проклясть свою жизнь и восхвалить мудрость Императора и снова проклясть, но в этот раз уже Итуруп, прибывающих китайцев, патэрена Павла, опасного сумасброда и шарлатана, выправившего себе и своей богадельне довольствие в гораздо большем размере, чем это полагается ему по всем известным табелям.

Я не спорила. Про патэрена Павла я почти ничего не знала, кроме того, что когда-то с ним была знакома моя мать, а еще я знала, что он очень высок, потому что свитер, который я должна ему передать, оказался

Геркулесовых размеров — еще на «Каппе» я не удержалась и примерила: он был мне ниже колен.

— Не желаете осмотреть кладбище китов? — поинтересовался вдруг мэтр Тоши, когда мы оказались у границы поселения.

— Зачем? — не поняла я.

— В этнографических целях, разумеется. У нас прекрасное кладбище китов, совсем недалеко. Тут, на берегу. Вы же этнограф.

— Я футуролог.

— Тем более. Вы должны думать о китах.

Я не стала спорить. Возможно, мэтр Тоши прав, возможно, стоило думать о китах.

— В другой раз, — пообещала я. — Обязательно.

— Пойдемте, посмотрим, — не услышав меня, махнул костылем мэтр Тоши. — Это самое большое кладбище китов, в следующий раз его может смыть. Прошное цунами унесло половину.

— Мне нужно повидать патэрена Павла, — сказала я. — Мэр сказал, что вы меня проводите до экклесии.

— Зачем вам нужна эта скотина патэрен Павел? — разочарованно поморщился мэтр Тоши. — Невыносимое животное, поверьте мне...

— У меня к нему дело частного характера.

— Как знаете, — пожал, видимо, еще здоровым плечом мэтр Тоши. — Только экклесия... Возможно, такой благородной девушке не стоит ходить туда, там сосредоточены не лучшие... представители нашего островного общества.

Я не стала вступать в прения с мэтром, но негодобрительно вздохнула, и чиновнику пришлось-таки проводить меня, хотя ему этого явно не хотелось, весь остаток пути он не уставал рассуждать о том, что экклесия — рассадник инфекций телесных и бацилл духовной смуты, и если бы не попустительство мэра, то

он лично давно бы сжег этот клоповник и полил само место карболовой кислотой и завалил камнями.

Так мы прошли около трех километров, перевалили через лысую, похожую на плешь самого мэтра Тоши сопку и в небольшой долине увидели дымящийся ручей и на его берегу здание экклесии.

— Это здесь, — мэтр Тоши указал костылем. — Я туда не пойду, можете меня не уговаривать, там слишком скользкие камни. У вас есть дезинфицирующая жидкость? Давайте я вас обрызгаю...

Мэтр Тоши принялся доставать из-под дождевика баллончик со спреем, но я не стала этого дожидаться — запахла дождевик поплотнее и поспешила вниз по каменным ступеням.

Здание было целиком построено из плавника и от этого выглядело иначе, нежели все постройки, которые я здесь видела. Оно походило на кусок высушенного необработанного янтаря, который, в свою очередь, напоминал почерневшую кость — длинная хижина, крытая дерном и еще черт знает чем и брезентом, пропитанным мазутом, уходящая одним концом в землю, окаменелость древнего существа, давным-давно потерявшего имя. Рядом со входом на треноге, сложенной из промасленных кривых жердин, покачивался кем-то старательно начищенный медный колокол.

Я, постоянно спотыкаясь на камнях, вскоре приблизилась к постройке и почувствовала запах дыма, он пробивался через серу недр и йод моря. Дым. Тут топили печь и варили еду. Из здания доносился нервный высокий голос и глухой незнакомый звук, сначала голос — потом звук, голос — звук, видимо, проповедь, да, так и есть, проповедь.

Я, конечно же, не верю в бога. Сказки о том, как Деусу пожертвовал собой во имя, вызывают у меня легкое раздражение, злость разумного человека; профессор Ода говорит, что это у меня, вероятно, генети-

ческое, многие века мой народ взывал к Деусу, но он отвечал лишь брезгливым молчанием, и от этого мой народ осердился на своего бога и превратил его в истукана. У нас есть сосед-буддист, он собирает старинные пробки от пластиковых бутылок и тайком строит из них статую Будды. Так вот для меня любая вера — это строительство Будды из пробок на заднем дворе. А моя мать, конечно же, верит, и бабушка тоже, в семье по материнской линии это традиция, передаваемая от матери к дочке вместе с цветом глаз и цветом волос — верить, преклонив колени. Скульптура изможденного Деусу, приколоченного к кресту, висит в каждой комнате нашего дома. Пробралась она и в отцовский кабинет, стоит рядом с барометром.

Мама и бабушка верили так сильно, что на мою долю уже не осталось ни зернышка, вообще мало на кого осталось. Тем не менее уважение к традициям во мне сохранилось, видимо, эта черта характера досталась от отца, ценившего в людях постоянство и приверженность. Поэтому я дождалась, пока голос и звук в эклессии стихли, и только потом зашла.

Я сразу поняла, почему пахнет едой, — рядом со входом располагалась жестяная курильня, в которой тлели угли, засыпанные мелко настроганными китовыми ребрами. Это они производили тот самый едкий дым с привкусом жареных костей, который меня и смутил. А еще я поняла, зачем нужен этот дым — половина помещения была завалена людьми, и дым производил двойное действие: насыщал присутствующих и сбивал дурной запах, от этих самых присутствующих распространявшийся. Люди, наполнявшие помещение, были одеты очень и очень по-разному: в оранжевые лохмотья, оставшиеся от рабочих комбинезонов, в рубища, связанные из пластиковых мешков, в резиновые бушлаты и другие одежды, которые трудно было распознать. Они сидели на полу, лежали на полу, некоторые находились

в странных позах — полувисели, ухватившись за стены, опирались на палки и костыли, скрючивались в тележках, они были больны, голодны и полумертвы, а некоторые, кажется, и мертвы. Глядя на мертвых, я понял и третье назначение дыма — вдоль стен тянулись многочисленные норы, из которых то и дело в нетерпении высовывались крысиные морды, а едкий угар, растекающийся по полу экклесии, не давал им накинуться на добычу. Впрочем, они с удовольствием полакомились бы и живыми.

Оказалось, что проповедь не закончена — человек, произносивший ее, стоял на коленях спиной ко мне и что-то тихо бормотал себе под нос. Скорее всего, это и был патэрэн Павел, не по-здешнему высокий и широкоплечий.

Я не осмелилась его беспокоить, стояла недалеко от котла, поглядывая на пол, поскольку опасалась, что крысы не выдержат и накинутся на мои ноги. А патэрэн Павел все говорил.

— Лишь немногие поднимутся в небо, — говорил он. — Лишь нищих духом выдержит небесная твердь. Деусу создал этот мир в радость, Деусу низринул его в печаль. Лишь скорбные плотью выстоят перед гневом Его. Лишь те, в ком еще не остыла душа, услышат шепот Его. Деусу есть свет, есть надежда, есть воздух, и не успеет еще остынуть ваше тело, как души ваши, смешавшись с ветром, полетят в Его сияющие чертоги.

Думаю, что мало кто его тут понимал. Большинство просто присутствовали, держались из последних сил, они находились рядом и смотрели перед собой гниющими глазами, смотрели на свои руки, на свои ноги, те, кто понимал, кивали, другие же кивали, глядя на них.

— Многие из вас пали духом, — продолжал патэрэн, — многие впали в отчаяние. Многие не способны на отчаяние, многих нет, они съедены, как съе-

дена земля севера «агентом V». Но те, кто еще стоит, помните — звезды гораздо ярче сияют со дна колодца! Вы умрете. Некоторые из вас не переживут и этот день и с последним выдохом сойдут во мрак и безмолвие, чтобы после беззвучной и бессветной ночи очнуться в Царствии Небесном!

Патэрэн замолчал. В этот момент я заметила, что он не обут. Стоит босиком. Он молчал довольно долго, потирал горло и морщился, а вся его искалеченная паства не знала, что делать, ждала, что он скажет дальше. Потом он поднялся с колен и сказал:

— Идите же. И не забывайте смотреть. В том числе и себе под ноги.

Передо мной будто неожиданно пришла в движение гравюра средневекового художника, изображавшего преисподнюю, ее самые глубокие круги, дно омота, куда со временем опускаются разорванные души, не пригодные даже к страданию. Они двигались медленно, некоторые размазывали каждое свое движение на несколько дерганных сегментов, другие, напротив, смешались рублеными рывками, все они громко и тяжело дышали, стонали и кашляли. Те из них, кто мог передвигаться относительно свободно, помогали другим, держали их под руки, вели и волокли, кроме того, они взяли тех, кто умер, и вынесли их с собой, освободив пространство. Профессор Ода вдохновился бы. Нет, точно, он пришел бы в восторг от этого макабра и отправился бы за всеми этими китайцами, чтобы вдоволь на них насмотреться.

Патэрэн заметил меня. Думаю, он заметил меня раньше, но не подал вида или, может, наблюдал, как и я за ним. Все удалились, в экклесии остались патэрэн и странная женщина со сварочной маской на лице, впрочем, это мог быть и мужчина, трудно разобрать. Носитель маски вынес откуда-то приземистый стул с трех ножках, и патэрэн с облегчением уселся на него и улыбнулся. Я приблизилась.

— Здравствуйте, Сирень, — сказал патэрэн.

— Но...

— Не удивляйтесь, — махнул он рукой, — вам придется удивляться слишком часто, сохраните в себе это качество, не спешите его тратить.

— Хорошо, — согласилась я. — Но все-таки...

Человек принес медный таз с дымящейся водой, расположил его на полу перед патэреном.

— Вы похожи на свою мать, — пояснил патэрэн. — Вы очень похожи на свою мать — глаза, волосы... Я давно не видел таких глаз.

Он опустил ноги в таз, поморщился.

— Присоединяйтесь, — предложил патэрэн. — Это безопасно. И полезно. Во всяком случае, приятно.

Я отказалась. Я не собиралась помещать свои ноги в горячую воду совместно с посторонними ногами, пусть даже это и давний знакомый моей мамы.

— Присоединяйтесь, — сказал патэрэн уже по-русски. — Пожалуйста.

Очередное удивление отразилось у меня на лице, и патэрэн это, конечно же, заметил.

— Нет-нет, — сказал он. — Не смотрите на меня так, я японец. Но я еще помню... Да, помню. И помню вашу мать. Так что мы можем поговорить, если хотите. Все-таки память — удивительная вещь...

Он вытянул рукава шахтерской куртки, погрузил в них руки и сложил на груди. Первый человек, который знал русский, от которого я его слышала. Кроме матери, разумеется, и кроме бабушки. Говорил он с заметным акцентом, но все равно говорил.

— Горячая вода — единственное, что эта земля дает даром, — пояснил патэрэн. — Пить ее нельзя, однако погреть кости можно. Наверное, этим я и держусь. Попробуйте.

Патэрэн придвинул таз поближе и велел принести стул; на стул я села, но греть ноги не собиралась, хотя

патэрен всеми силами демонстрировал, насколько это чудесно, закатывал глаза, причмокивал и развевал над тазом поднимающийся пар; вода была явно горячая, так как он то и дело выбирал из воды ступни и ставил их на бортик таза, и в конце концов патэрен Павел вытащил из таза ноги и пошевелил красными пальцами и подмигнул, упорно соблазняя меня на эту процедуру.

— Спасибо, в другой раз, — отказалась я и стала снимать рюкзак. — У меня к вам поручение. Мама просила...

Патэрен вернул ноги в таз, существо в маске сварщика стояло недалеко, не двигаясь и, кажется, не дыша. Из таза поднялся пар, точно вода в нем была холодная, а ноги патэрена, напротив, чересчур горячими, запах серы снова усилился, он уже перебивал запах жженных костей.

— Горячая вода — это знак нам, — произнес Павел, — что в самую лютую стужу нам будет даровано тепло утешения. Тьма есть всего лишь низшая мера света, самая слабая искра уничтожает тьму. Попарьте ноги, Сирень.

Сварочная маска согласно кивнула, а меня это немного разозлило, я не сдержалась:

— Все, что вы говорите, — неправда. Зачем вы обманываете их?

— Ничуть, — помотал головой патэрен. — Я их не обманываю, я даю им надежду в последний час. И кто знает...

Патэрен улыбнулся шире, и я увидела, что зубов у него нет, ровные розовые десны, при всем при том он умудрялся говорить довольно чисто.

— Надежда, — усмехнулась я. — Где же вы видите здесь надежду? В серном кипятке, склизких камнях и сушеных водорослях? В горчичных ваннах?

— В наших сердцах, — ответил патэрен. — И несомненно, в рении.

Патэрен перешел на японский.

— Ну да, рений... — усмехнулась я. — Вы знаете, там, на сопке, меня дожидается мэтр Тоши, достойный человек в подгузниках. Я не увидела в нем никакой надежды.

— Рений, звездная медь... — как будто не услышал меня патэрен. — Это проклятие и надежда оставшегося человечества. За каждый грамм его заплачено двадцатью тысячами душ, рухнувших в бездну. И цена будет расти с каждым днем, с каждым часом, это та цена, с которой придется смириться. Но это и надежда, конечно, надежда. Он был здесь, когда не было еще ничего, кроме кипящего газа, когда наша Земля напоминала малиновую каплю, плывущую в сияющем эфире...

Патэрен замолчал, закашлялся, вынул ноги из воды, и ему тут же подали валенки. Павел поехал, ему тут же подали жестяную банку, и он долго в нее отхаркивался, а в промежутках рассказывал, в основном про свое, сверкающее и грохочущее, ну, про то, как Дэзусу Кирисито явится к нам во второй раз в огне и сиянии своей ярости, он и все его светлое воинство — патэрен не сомневается — будут закованы в сияющую рениевую броню, вы увидите, обязательно увидите это, Сирень. Люди, работающие на обогатительных фабриках, пропитываются рением, и пусть они жили подло и скверно, но само их тело несет в себе искру творения...

Я глядела на него с опаской, думая о том, что профессор Ода, разумеется, прав — нигде я не встречусь столько необычных людей, как здесь. Путешествие едва началось, а патэрен Павел уже плевал в банку черной легочной грязью и рассказывал про паруса солнечных клиперов, которые рано или поздно заполнят небо, вот-вот, надо ждать и не забывать греть ноги.

Я вздохнула и огляделась.

— Не волнуйтесь, — успокоил патэрэн, — я не сумасшедший, хотя меня многие хотят таким выставить. И я не стал язычником и не поклоняюсь Вулкану. Но в этом все-таки есть доля истины, как вы не понимаете?!

Это он почти выкрикнул и тут же протянул банку, в которую сплевывал свою мокроту зачем-то, но, видя мое безгливое сомнение, добавил:

— Возможно, это и есть пропуск в Царствие Небесное, вы поймите!

— Сомневаюсь, — сказала я. — Очень...

— Это же замысел! Это путь! Я давно его увидел! Пробить твердь и напомнить Ему о себе! Только так! Он любит, когда его удивляют.

Я улыбнулась. Все-таки сумасшедший, мама предупреждала.

— Вот, — улыбнулся патэрэн. — Смотрите! Смотрите же! Звездная медь!

Он протянул мне на ладони небольшой кусок тусклого белого металла, по форме похожий на белемнит, по цвету вовсе на медь не походящий. Олово, возможно, чуть более блестящее.

— Не волнуйтесь, он не токсичен, — успокоил патэрэн. — Токсичны агенты, с помощью которых его обогащают, здесь металл в связанном состоянии...

Тяжелый, пожалуй, тяжелее золота, и плотный. Он же дорогой, за этот кусок патэрэн мог бы... вернуться домой. Вернуться к человеческой жизни. Вернуться.

Мама когда-то была в него влюблена. Когда-то он был социологом. Впрочем, какая разница? Он мог изучать античное искусство, или историю, или лингвистику. А теперь он, кажется, верит в близкое небо и в звездную медь.

— А, вы не верите, я вижу, — улыбнулся Павел. — Я вас понимаю, в наше время это тяжело, порой не-

возможно. Но ничего. Сразу не у всех получается... Спасибо тебе.

Он поднялся со стула и пошлепал босиком к выходу, разговаривая на ходу сам с собой. Дверей в эклексии не предусматривалось, Павел остановился на пороге:

— Спасибо твоей матери, что прислала тебя, ты — чудо, ты — радость глаз моих. Север близок, каждый день заполнен жестокими чудесами, я вижу их во круг... но ты этого не понимаешь...

Я достала сверток из рюкзака, развернула бумагу. Свитер, красный. Патэрен Павел вдруг резко выхватил у меня свитер и стал надевать, спешно, лихорадочно, точно боялся, что я вздумаю забрать его обратно. Он надел его прямо поверх своей куртки и уселся на порог, выставив ноги, он продолжал бормотать, в уголках глаз поднималась пелена, патэрен Павел старался проморгаться через катаракту и шептал, втягивая голову в плечи:

— ... цель всего, Альфа и Омега, из каждого, проработавшего полгода на Кудрявом, можно извлечь полграмма... он оседает в легких, впрочем, как и золото. Администрации невыгодно, чтобы они возвращались домой, выгодно, чтобы они оставались здесь и догнивали оставшуюся пару лет в этой дыре. Потом трупы помещают в испаритель... Ну, дальше легко, вы понимаете, Сирень, вы же понимаете, каждый будет взвешен и найден слишком легким или слишком тяжелым, когда в твоих легких полграмма, вы понимаете — полграмма!

Те, кто приходил его слушать, поднимались по лестнице, медленно втягиваясь за сопку, как мусорная гусеница, как щупальце мертвого осьминога, кошмар жены рыбака.

Патэрен поежился внезапно от налетевшего ветра, а я протянула ему слиток. Патэрен поглядел на меня,

узнал, поглядел на свои руки в свитере, забрал слиток. Кажется, он пришел в себя.

— Насколько я поняла, администрация острова не заинтересована возвращать рабочих в Японию?

— Не заинтересована, — кивнул патэрэн. — Это нерентабельно, рабочие есть одноразовый материал. В этом весь мой ужас... Знаете, у некоторых начинают светиться глаза...

— Но ведь насильно нельзя никого удерживать, — сказала я. — Рабочие заключают официальный контракт, в нем предусмотрено возвращение и льготы...

Патэрэн отмахнулся:

— Это все так, но... После четырех месяцев в промышленной зоне многие не могут покинуть остров. Я сказал «многие», но на самом деле их большинство. Посмотрите на них, — патэрэн указал пальцем вслед уходящим. — Посмотрите. Половина из них ходит под себя. Другая половина не может самостоятельно питаться. Третьи не помнят, кто они и зачем они. Они никому не нужны. Если физически они еще живы, то души их больны, в каждой по полграмма...

Патэрэн замолчал. Он вовремя спохватился и стал смотреть на меня. Он как будто уснул с открытыми глазами, улетел на свое четвертое небо. А потом раз — и очнулся, и снова здесь, и ноги озябли.

— Не печальтесь, — сказал он. — Не печальтесь, ваша мать не любила печалиться. И идите своим путем, главное — идите, идите.

— Но как...

Патэрэн Павел поймал мою руку и неожиданно поцеловал:

— Карафуту... Карафуту никому не нужен и ни для кого не интересен, зачем вам он нужен?

— Департамент Этнографии считает иначе, — возразила я, он сбил меня этим поцелуем, старый больной психопат. — Предполагается, что изучение состояния

дел в южной части острова позволит заложить основу для дальнейшего развития промышленности и для рекультивации земель. Кроме того, моя миссия преследует гуманитарные цели — изучения положения дел ссыльно-каторжных, условий их заключения и окрестного быта для дальнейшей гуманизации...

— Да-да, — согласился он. — Смягчение нравов, это всегда. Думаю, у вас все получится.

Патэрэн улыбнулся, и мне почему-то расхотелось с ним спорить, уж тем более спорить о проблемах смягчения нравов. Я вообще его не понимала, такое всегда происходит, когда пытаешься общаться с сумасшедшим.

— Я, собственно, всего лишь наблюдатель. У меня нет задачи что-то менять, в моих силах лишь предоставить обществу... непредвзятую картину.

— А я, кажется, догадываюсь, зачем вы туда собираетесь. — Патэрэн натянул ворот свитера до подбородка. — Это достойное желание, да, я вижу... Посмотреть им в глаза, да, это достойно. Вы храбрая девушка, но вы не представляете, что там...

Я пожалала плечами; разумеется, я не представляла, что там, в этом заключалось мое преимущество. Свежий глаз.

— Там ад, — сказал патэрэн. — Итуруп с его серой, жаровнями и живыми мертвецами — всего лишь преддверие инфэруно. Там ад. Я всей душой желаю, чтобы вы вернулись домой, но вы не вернетесь. Как и не повернете вспять. Храни вас Бог.

Патэрэн перекрестил меня и обнял и некоторое время не отпускал, положив голову мне на плечо; у него была горячая голова, я чувствовала это через толстую кожу макинтоша.

— Идите, — сказал он через минуту. — Идите, по-года портится, а вы должны успеть.

Я хотела сказать ему, что моя мама просила передать...

— Спешите, Сирень, а мне пора звонить.

И как-то получилось, что я оказалась вдруг на каменной лестнице, и я отправилась по ней вверх, шагая по плоским ступеням, но прошла немного, потому что услышала, как меня вдруг зовет патэрэн, я остановилась и оглянулась. Он спешил ко мне, он подбежал и стал снимать с себя свитер.

Я попыталась его остановить, но патэрэн неожиданно взволновался: его речь сделалась невнятной, патэрэн перескакивал с японского на русский, жевал и ломал слова, и я уже никак не понимала это бормотанье. А он стащил с себя свитер, свернул его и протянул мне. Я не поняла зачем, снова и снова повторяла, что это подарок, но патэрэн не слышал, настаивал, протягивая этот злосчастный свитер, и когда патэрэн Павел вдруг заплакал, я свитер взяла. Он мгновенно успокоился и отправился к себе, а я осталась, стояла, опираясь на камень, и не понимала. Зачем?

Погода действительно стала портиться, к тому же стремительно — со стороны вулканов приближалась туча, и что-то мне подсказывало, что попадать под эту тучу не стоит. Я поднималась по лестнице, а за мной поднимался звон, и когда я оглянулась, то увидела, как патэрэн Павел бешено звонит в рынду.

Не знаю, от этого или от чего другого, но туча так и не перевалила через сопку, хотя дожидавшийся меня мэтр Тоши волновался и курил в наперстке канифоль, отгоняя от себя запах, оставшийся на камнях после того, как мимо проследовали прихожане Павла. Мэтр устал, он боялся дождя, но, видимо, патэрэн звонил в свой колокол слишком хорошо — туча, зависнув над сопкой и постреляв молниями, развернулась обратно. И, глядя на это, мэтр Тоши пришел в настроение и убедил меня все-таки посетить кладбище китов, и я не пожалела, что поддалась на его уговоры.

Биосистема острова Итуруп пребывала в статично-угнетенном состоянии: на суше практически отсутствовали растения выше колена, прибрежная полоса была безжизненна, поверхность воды покрывала серая мутная пена, сама вода... собственно, не вода, а жидкость, субстанция, состоящая из стоков коллекторов обогатительных станций и шламовых накопителей, из сора, пепла и кислоты, из бочек, бутылок и ящиков, она колыхалась с механическим звуком и распространяла аммиачную вонь. Воздух здесь пуст, ни чайки, ни крачки, ни другие пернатые не украшали его своими голосами и движением, впрочем, глупо предполагать, что птицы сохранились здесь, на окраине. Кстати, единственное пернатое существо, виденное мною в жизни, — престарелый гусь в Императорском зоопарке в Токио, да и тот, справедливости ради стоит сказать, был некогда реплицирован, периодически умирал от рака и периодически же был воскрешаем кудесниками Императорской медицинской академии; в теле гуся насчитывалось семь имплантов, в целом же процент имплантации не дотягивал до сорока процентов, что позволяло считать гуся живым. Иногда он даже немного летал.

На всякий случай я спросила, не наблюдали ли здесь каким-либо чудом птиц, на что мэтр Тоши ответил, что последнюю птицу он видел лет в семь-восемь, он тогда жил в Вакканае. Его отец служил дровотаском, а он помогал ему в меру сил. Однажды на побережье вместе с плавником вынесло мертвую гагару, отец, опасаясь, что их обвинят в убийстве пернатого, велел маленькому Тоши молчать и закопал птицу в полосе прибоя. С тех пор птиц мэтр Тоши не видел, зато кладбище китов у них здесь выдающееся, вот здесь, рядом.

Кладбище китов меня не разочаровало. На относительно небольшом куске пляжа море собрало, по моим

подсчетам, около пятидесяти мертвых китов, то есть их скелетов. Они выглядели как в старых романах про забытые берега и псоглавцев, их населявших: выглаженные ветром, изъеденные дождями и выбеленные солнцем кости и черепа морских исполинов лежали на черном песке и ничего не делали; мэтр Тоши при виде всех этих останков пришел в волнение духа и стал подробно рассказывать об этих скелетах, как о своих друзьях.

Его неожиданное воодушевление было так велико, что я не решилась прервать его, и мы ходили по кладбищу около двух часов, в течение которых мэтр Тоши рассказывал о породах китов, об их возрасте, о том, что вот это кашалот, а вот это косатка, а вон полосатик, который умер от опухоли на позвоночнике. Под конец нашей экскурсии мэтр уселся на огромный череп и признался в том, что он мечтает умереть как можно скорее и быть сброшенным в море, хочет, чтобы рыбы и крабы объели его бестолковую плоть и очистили суть и чтобы его скелет вынесло вот сюда, на этот древний пляж, чтобы лежать рядом с этими костями, ведь он, мэтр Тоши, ценит удаленность, одиночество для него есть безусловное блаженство, так он и сказал.

Произнеся это, мэтр Тоши безобразно утратил лицо и стал плакать и бормотать о том, что в его мечтах у него нет никаких надежд и иллюзий, мэтр не исполнит его посмертное желание, что мэтр погряз в казнокрадстве и коррупции, у него есть неопровержимые доказательства, он собрал их в тетради...

Мэтр принялся копаться в своей одежде и извлек из нее пухлый, грязный блокнот красного цвета, протянул мне. Я не хотела его принимать, но мэтр Тоши почти насильно всунул его мне в руки, уверив, что в блокноте достаточно доказательств для отстранения мэра и предания его рукам правосудия, что правда должна восторжествовать.

Мне ничего не оставалось, кроме как пообещать донести до официальных лиц Департамента блокнот и скрытую в нем жгучую и выстраданную истину. После этих слов мэтр Тоши успокоился и на обратном пути к порту по большей части молчал, и лишь в порту он отчего-то опять растрогался, стал хлюпать носом и под конец тоже подарил мне золотую ложку.

Таким образом, на «Каппу» я вернулась во второй половине дня, тем самым пропустив погрузку смены и избавив себя от лицемерия отработавших на Кудрявом и других предприятиях Итурупа свою долгую смену.

По возвращении помощник капитана предложил мне согревающего чая из сушеных древесных грибов, но я отказалась: мне требовалось время, чтобы осмыслить увиденное и услышанное. Я устроилась на койке и стала думать. Они были немолодые, нездоровые, с тяжелым дыханием и слабонервные, впрочем, возможно, это от возраста, с годами многие становятся слезливыми и сентиментальными, сам профессор Ода иногда бывал таким, что можно ожидать от людей, у которых в легких полтора грамма... то есть полграмма мерцающей звездной меди.

Я закрыла глаза и сразу почему-то увидела патэрена Павла; он стоял там, возле самой экклесии, и бил в колокол, и на патэрене горел красный свитер, который я видела издалека, причем я одновременно видела, что этот свитер лежит в кресле моей каюты, и опять же видела, как моя мама сидит у печки и вяжет этот самый свитер, наверное, из-за этого я поняла, что это сон. В этом сне была еще и вода, и какие-то птицы, не могла разглядеть, наверное, я бы их в конце концов разглядела, но тут закричали. Кричали долго, с дурной животной настойчивостью, а я все пыталась зацепиться за свой спокойный сон, но уже понимала, что это невозможно, что скоро я проснусь; и когда крики стихли, я проснулась и выглянула в коридор.

Возле каюты моего соседа-каторжанина стояли трое: матрос, суперкарго и помощник капитана. Матрос и суперкарго курили, а помощник капитана фиксировал что-то в черном блокноте. Оказалось, что Ину покончил с собой. Я не знала, как на это реагировать, и сказала, что мне, наверное, жаль.

Помощник капитана отмахнулся, заметив, что так ему будет гораздо лучше.

— Он был торговец зонтами, — с презрением сообщил помощник, — галантереей и плетеной мебелью. А потом убил молотком свою жену и ее мать. Он бы все равно никогда не вернулся домой. Для него это лучше, на каторге не любят женоубийц. К тому же он шел на «Легкий Воздух», так что тут ничего удивительного нет.

Я поинтересовалась почему, помощник ответил, что те, кого определяют в «Легкий Воздух», частенько предпочитают не затягивать дело и разбираются с собой еще по пути к острову, едва узнав, куда их распределили. Я спросила, разве «Три брата» не самая страшная из тюрем Сахалина, ведь именно про нее ходят наиболее жуткие слухи, именно она окружена множеством легенд, фантазий и домыслов; на это помощник капитана лишь усмехнулся.

А еще я поняла, почему Ину. В стену каюты был вварен крюк, к которому крепилась цепь. Цепь обхватывала шею каторжанина, эта же цепь и свернула набок его голову. Рядом на полу стояла железная миска, в которой узнику раз в день подавали еду.

Его смерть не расстроила ни помощника Тацуо, ни остальных членов команды, наоборот, вызвала среди них некоторое оживление. По правилам требуется бросить труп в катализатор, но боцман со вторым помощником, предварительно выписав надлежащие бумаги и доложив капитану о проведенной санации, спустили тело в трюм, где положили его в ящик с со-

лю. На мой вопрос, зачем это нужно, помощник ответил, что по прибытии на Сахалин он обменяет труп у корейцев на экстракт клоповки — целебного средства, за которое по возвращении домой можно выручить неплохую сумму. Насколько я поняла, укрывательство трупов является частой практикой, потому что, по рассказам помощника, у них в ящиках всегда есть несколько мертвецов для обмена. Когда я спросила, зачем нужны трупы корейцам, боцман и помощник расхохотались, помощник же капитана посоветовал мне не забивать голову всякой ерундой, самоубийства случаются каждый рейс в количестве двух штук, а иногда и чаще, так что думать про это не стоит, вместо этого лучше отдохнуть, а трупы пусть отойдут к трупам. Я вернулась в свою каюту, но уснуть так и не смогла — лежала, смотрела в окно. Курильск мы покинули поздним вечером, успев выскочить в море до наступления сумерек, до того, как с вулканов начал сползать смог и ночная мгла полностью поглотила остров.

Не знаю, как так могло получиться, но я умудрилась проспать пролив Лаперуза во второй раз.

Монерон

Разглядывая остров сверху, я пыталась представить там себя.

Профессор Ода, пользуясь связями, сохранившимися со времен его службы в силах самообороны, раздобыл старый атлас, изданный еще до Войны. Естественно, никаких выходных данных, но, без сомнения, съемки довоенные — после Войны и уничтожения орбитальной спутниковой группировки картография откатилась на столетие назад и, судя по всему, обратно в обозримом будущем не поднимется, так что эти карты лучшее, что удалось найти.

Карты действительно были хороши; вооружившись лупой и устроившись в кресле на веранде, я изучала остров; снимки в разрешении Н, сквозь выпуклое, теплое и чуть желтоватое от старости и пропахшее табаком увеличительное стекло я наблюдала жизнь, какой она была много лет назад.

Остров Сахалин был зелен и покрыт дорогами, я глядела сверху на солнечные города, на праздничные улицы с развевающимися флагами, на машины, спешащие по своим неотложным делам, на детей, гуляющих с шариками, на ручьи, на мосты, на разогретые крыши, на просторные площади, на рыб, которыми кишели ручьи и реки, тысячи и миллионы рыб, стремящиеся к жизни и к смерти.

Там, внизу, под выпуклым стеклом, сияло лето. На площади, похожей на косую звезду, на широкой поляне среди ярких красных цветов отдыхали люди, некоторые сидели, другие лежали и читали книги, и рядом синел пруд, и вокруг бежала железная дорога. А рядом с цветущими кустами шиповника на красном клетчатом плеле лежала девушка и смотрела из-под ладони в небо. Снимок четкий и резкий, я видела лицо этой девушки, и мне представлялось, что она показывает язык.

Я изучала атлас и схемы, измеряя расстояния, вчитываясь в русские названия и сверяя их с японскими на старых и новых картах. На месте канувшей в атомную Лету Сахалинской области давно восстановлена префектура Карафуту, но это название используется исключительно в официальных документах и на академических картах. На практике большинство населенных пунктов Северных Территорий сохранили названия, которые они имели до Войны. Если честно, меня всегда занимал этот парадокс, я пыталась выяснить причины этого топонимического перекоса, но без какого-то внятного результата, в каждой из версий имелся изъян.

Отец говорил, что тут все понятно: после Войны японцам больше не требовалось доказывать приоритет на Северные Территории, и интерес к этой теме упал, вплоть до того, что на уровне Императора было решено сохранить все прежние топонимы в качестве исторического наизидания, в качестве напоминания о бренности сущего. Император-де, когда ему предложили проект переименования, улыбнулся и сказал, что до тех пор, пока жив хоть один русский, названия будут сохранены.

Мама утверждала, что это из-за чувства исторической вины. В первый день Войны Россия прикрыла Японию, перехватив стартовавшие баллистические ракеты Ким Ын Юна и расстреляв снаряды, заправляющиеся в шахтах и на стартовых столах. После Недели Огня, уничтожившей Европейскую Россию, Западную Сибирь, Китай и Северную Америку, после того как на континенте вспыхнуло мобильное бешенство, Япония ввела режим изоляции, и силы самообороны в течение трех месяцев только в Татарском проливе сожгли и пустили ко дну около пятисот судов под российским флагом. Когда же бешенство охватило все побережье, территория Хабаровского края была санирована с применением ядерного и химического оружия. По самым скромным подсчетам, тогда погибли около восьми миллионов человек, не считая китайцев. В память об этом и чтобы не гневить духов, русские названия городов, рек и островов были сохранены, а всем русским беженцам, уцелевшим в Войне, назначили усиленный паек. По данным нашего департамента, на сегодняшний день на территории Империи находилось порядка семнадцати этнически русских. Все они проживали на острове Сахалин.

Мой коллега, инженер отдела приборного сканирования Ясуда, объяснял это топонимическое противоречие несколько иначе, скорее в духе средневековых

романов: якобы отец нынешнего Императора, тогда еще наследный принц Ясухито, в пору своей военной службы провел восемь лет на базе сил самообороны в Анивском заливе. В то время на Сахалине еще жили относительно многочисленные русские, в начале Войны спасшиеся с материка, и якобы принц был влюблен в девушку Аню, дочь погибшего гвардейского генерала. Но Аня умерла, так и не оправившись от всех ужасов, через которые прошла их семья во время Амурской резни, учиненной дезертирами корейской народной армии. Принц, ставший впоследствии Императором, в память о своей возлюбленной велел сохранить все русские названия Сахалина. Кстати, именно с принца Ясухито и его «Закона об исключении» пренебрежительное и несколько презрительное отношение к корейцам стало нормой в нашем обществе, никто без особой надобности не унижит себя прямым общением с корейцем, нахождение в обществе корейца вызывает у большинства подданных Императора дискомфорт и желание отдалиться. В крупных городах даже существуют общества корейского презрения, содержащиеся исключительно на добровольные пожертвования.

Нельзя не вспомнить также предположение известного антрополога Исами Като, озвученное им на юбилейной тридцатой конференции Императорской Академии Наук. Профессор Като полагал, что сохранение за Северными Территориями прежних названий есть не что иное, как проявление своеобразной охранительной магии. Северные островные земли хотя отныне и входят в Большой кадастр в качестве исконных территорий, но в метафизическое пространство Империи до сих пор не включены в силу того, что территории префектуры Карафуто не были приобретены надлежащим путем — ни завоеваны силой оружия, ни присоединены мощью экономики, ни отторгнуты

хитростью дипломатии. Они достались без усилий, без видимых жертв, в качестве куска, отвалившегося от великой страны, а следовательно, сакрально они не могут являться полноценным уделом Императора. Это пограничные территории, вымороченные и малоначальные, даже географически пребывающие на рубеже между Японией, удержавшей огонь цивилизации, и материком, погрузившимся в пучину хтонического хаоса. Отсюда проистекает некоторое инстинктивное нежелание сообщать (или пусть возвращать) этим землям японские названия, Император, как всегда, мудр и смотрит вперед, смотрит гораздо дальше, чем мы, да здравствует Реставрация.

Кстати, профессор Като, достойный престарелый магистр, узнав о том, что мне все-таки удалось добиться разрешения на посещение Сахалина, просил в письме собрать как можно больше свидетельств наличия или, напротив, отсутствия на острове проявлений явной духовной жизни; профессор же Ода, узнав об этой просьбе, назвал своего коллегу пошлым дурнем и советовал не занимать голову этим бредом. Сам же Ода полагал, что подобная топонимическая политика не связана ни с духами, ни с прочей мистикой; по его мнению, за последние пятьдесят лет менталитет японцев претерпел изменения, причем такие, которые не претерпевал и в эпоху открытия Японии в веке девятнадцатом. В частности, ирония, ранее присущая лишь японцам высоких сословий, сейчас стала одной из самых заметных черт национального характера, причем эта ирония, как и прочие семена, попавшие на послевоенную японскую почву, проросла причудливыми, необычными, отчасти большими цветами. Чем еще можно объяснить сохранение старых названий и дичайшую для японца начала века практику присвоения кораблям, самолетам и прочей технике откровенно американских имен? Именно поэтому Холмск есть

Холмск, а не Маока, и воды Татарского пролива бороздит не «Хаябуса», а «Энола». В качестве доказательства профессор Ода предъявлял уличного пса Джейфа, наглого попрошайку, с утра до вечера болтавшегося по кварталу и своим жалким видом добывавшего пропитание. Пес был в своей стезе так хорош, что разожрал такое здоровущее пузо и на некоторое время лишился мизерабельности и подаяний.

Кстати, путешествие по Сахалину я планировала начать именно в Холмске, который сейчас считается административной столицей острова, Южный же, хотя и является самым густонаселенным городом, управленческих функций лишен. Оттуда я намеревалась направиться на север, в мои планы входило посещение трех действующих на территории острова каторжных тюрем, беседы с чиновниками, военными и каторжанами, описание экономики и, если ее можно так назвать, социальной сферы, одним словом, составление путевых записок и собирание впечатлений, хлеба прикладной футурологии.

Я предполагала, что уже сегодня вечером смогу ступить на землю префектуры Карафуту, однако выяснилось, что между Итурупом и Холмском наше судно должно посетить еще одно место. После полудня помощник капитана Тацуо постучал в дверь и позвал на палубу — «Каппа» вошла в Татарский пролив. Помощник капитана, его упоенная самовлюбленность и архаичная привычка помадить волосы успели мне сильно надоеть, и я даже подумывала его немного покалечить, но, выйдя на воздух, забыла об этом.

Стояла прекрасная погода, солнечная и спокойная, практически безветренная, не подразумевавшая лишней суеты, не располагавшая к взаимодействию с помощником Тацуо. Воздух был прозрачен и чуть горьковат, вода напоминала желе, на ее поверхности не играли блики, я прищурилась и смогла разглядеть

ярких морских звезд на дне и длинные полосы морской капусты, они привычно напомнили косы русалок, ничего не поделав, некоторые вещи могут напоминать только то, что могут.

Я посмотрела на запад, в сторону континента, и на мгновение показалось, что я его вижу — над тонким горизонтом поднимались тяжелые и темные фата-морганы, то ли отражения берега в небе, то ли тучи, то ли гарь от все еще пылающих лесов; между «Каппой» и невидимым берегом белела «Энола», она, как щепка, балансировала на переломе горизонта и была наготове. На северо-востоке в легкой неправдоподобной дымке плыл близкий Сахалин, он выглядел неожиданно зелено и нарядно, после слов патэрена Павла я ожидала увидеть нечто другое, впрочем, это мог быть обман зрения — впечатление от солнца, утра и чистого воздуха, навалившегося на меня после душной каюты.

Перед нами же лежал Монерон, большой камень, оброненный здесь в суматохе творения; при ближайшем рассмотрении создавалось впечатление, что остров шевелится, его поверхность была подвижной и живой, сначала я подумала, что мне это почудилось.

Помощник капитана не вдохновлялся воздухом и ветром, он уныло продолжал оказывать неловкие знаки внимания, однако в этот раз не пытался впечатлить меня ни саблей, ни сверкающим кителем, ни бравой выправкой, а неожиданно подарил небольшую книжку — «Путеводитель по островному региону». Она была издана в карманном формате почти сто лет назад, за это время основательно обтерлась и скруглилась, но бумага оставалась плотной и сохранной, буквы расползались лишь по краям страниц, текст оказался пригоден для чтения, я открыла нужную страницу и, пока «Каппа» аккуратно приближалась к острову, прочитала две страницы про Монерон. По мере приближения становилось понятно, отчего остров казался живым.

Его заполняли китайцы. На первый взгляд казалось, что они занимали половину острова, но это, разумеется, было не так — просто китайцы плотно сгрудились на пологом берегу у залива, к которому подтягивалась «Каппа». Удивительное зрелище. Нет, мне и раньше случалось видеть большое скопление людей, например, на праздники на площадях собирались десятки тысяч, но здесь...

Помощник капитана протянул бинокль, но я не хотела смотреть на китайцев. Помощник же, ходивший по маршруту Вакканай—Курильск—Холмск четыре раза в год, отметил, что в этот раз беженцев на Монероне меньше, видимо, в силу суровой бесснежной зимы. Я заметила, что для пережидания зимы на берегу нет ни барачков, ни палаток, ни каких-либо других обиталищ. Помощник капитана Тацуо сказал, что зиму здесь пережидают в норах и землянках, что, безусловно, играет положительную карантинную роль — к моменту эмиграции на острове остаются самые здоровые и выносливые, готовые лицом к лицу встретиться с Сахалином. Кроме того, к Монерону прибывает большое количество разнообразного морского сора, который осенние и зимние шторма исправно загоняют в Татарский пролив; ожидающие эвакуации с Монерона мастерят из этого материала самые удивительные вещи, так, например, некоторые умудряются плавить пластиковые бутылки, расплывать их в вату и из этой ваты шить ватники. По слухам, на острове есть и постоянные жители: семья, обитающая в старинных бункерах и от долгих лет пребывания на Монероне утратившая человеческий облик.

Помощник Тацуо ухмыльнулся и немедленно рассказал, что тут утрачивают человеческий облик достаточно быстро, большинство же высаживается здесь уже безо всякого облика, в частности на Монероне процветает... Помощник капитана ухмыльнулся че-

рещур доверительно, так что я испугалась, что сейчас он сообщит особо омерзительные детали и поведаст о разнузданных повадках островитян, но, к счастью, его оборвала сирена, которая вызвала на берегу серьезное оживление. Помощник Тацуо от сирены поперхнулся и теперь кашлял, сплевывая за борт мокроту, а я смотрела на Монерон.

Несмотря на лето, остров был желт и местами черен; я спросила у помощника, отчего здесь не держится растительность, ведь и на выжженном Итурупе она прозябала по берегам ручьев. Тацуо, отплевавшись, снисходительно усмехнулся и объяснил, что всю случайную траву, лишайники и прибрежные водоросли пережидающие зиму съедают подчистую, так что остаются лишь камни, землю с Монерона съели давно, сейчас там вылизанный камень, причем сидящие на острове умудрились обглодать старую часовню, построенную из красного кирпича.

Сирена снова проревела, и шевеление на острове усилилось, китайцы сгрудились у берега, отчего возникло ощущение, что остров накренился и вот-вот зачерпнет воды. Помощник Тацуо засмеялся, сказал, что это самое смешное — когда они все бегут и давят друг друга, а если в этот момент чиркнуть с кормы пулеметиком, то станет еще смешнее.

Я думала, что мы подойдем ближе к берегу, что будут спущены лодки или плоты, но этого не произошло, наш сухогруз развернулся бортом к острову, и почти сразу все началось. Первыми в воду бросались женщины. У каждой в руках пустые пластиковые бутылки, держась за них, женщины плыли к «Каппе».

Видя мое удивление, помощник принялся пояснять ситуацию; то и дело он указывал пальцем и снова пытался всучить бинокль, но он опять нагрел его своим лицом, и я отказывалась, тогда он стал предлагать мне пулемет, и я не могла понять — всерьез или нет, по-

скольку команда внезапно вооружилась ручными пулеметами, а помощник Тацуо бубнил, что, если я захочу, он быстро сбегает в оружейку и принесет буллпап, личную машину, изящную, тонкую, калибр небольшой, но пули с урановыми сердечниками, секут, как гвозди...

Меня немного затошнило. Эти женщины слишком старательно плыли к нам, слишком усердно, от этого почему-то тошнило. Их движение, наполненное животной силой, выглядело неприятно, впрочем, вполне могло стать, что тошнит меня от близости помощника капитана, который тяжело дышал рядом и рассказывал.

На сегодняшний день там, в Татарском проливе, дежурит порядка пятидесяти разных судов, обеспечивающих режим изоляции, в основном это катера и переоборудованные рыболовные сейнеры, которые ежедневно вылавливают в проливе беженцев с материка. Этих беженцев до сих пор много, хотя и не так, как раньше. Большинство из тех, кто пытается спастись с материка, — мужчины, женщин гораздо меньше, еще меньше детей, которых, разумеется, сразу же отправляют в Японию. Остальные же свозятся на Монерон, в карантинную зону, откуда по мере заполнения острова, но не чаще чем раз в три месяца, их собирают идущие в Холмск суда.

Первое время эвакуация с Монерона осуществлялась бесконтрольно, однако скоро администрации префектуры пришлось вмешаться, поскольку женщины на острове не выживали, а префектура заинтересована прежде всего в женщинах. Поэтому вводилась определенная квота, и отныне эвакуация осуществлялась в соотношении один к десяти, то есть для того, чтобы эвакуировать десять мужчин, надлежало поднимать на борт одну женщину, выживаемость женщин на острове повысилась, поднимать же на борт их надлежало первыми, вот они плывут, смотри.

К помощнику капитана приблизился незнакомый судовой офицер, и они стали делать ставки, кто доплывет первым, и кричали, подбадривая своих фаворитов. Помощник капитана Тацуо выиграл.

Женщин подплыло к судну, думаю, не меньше пятидесяти; волны качали их, и было слышно, как стучат о сталь «Каппы» пластиковые бутылки и головы. В воду сбросили грузовую сеть, и женщины тут же стали торопливо по ней карабкаться, они переваливались через борт и, тяжело дыша и выплевывая воду, лежали еще некоторое время на палубе; к каждой подходил судовой врач в резиновом костюме, совершал осмотр, глядел в глаза, в рот, в уши, после чего матросы пинками загоняли счастливиц в трюм. Некоторые из женщин обессилели настолько, что сами влезть по борту не могли, они едва приподнимались над водой, как тут же обрушивались обратно, теряя силы с каждой попыткой; команду «Каппы» это очень веселило, они подбадривали беженок плевками и оскорблениями. Когда оставшие лишились сил и стали просто болтаться в воде, держась за веревки, всех сразу подняли краном, в сети, и, подвесив над трюмом, высыпали в люк.

«Каппа» дала два длинных гудка — это означало, что пришла очередь мужчин, и тут же все, собравшиеся на берегу, поплыли к нам. Я отметила, что беженцы не только соревнуются в скорости, направляясь в сторону нашего корабля, но по пути еще активно убивают друг друга, используя для этого кулаки и камни. Помощник капитана Тацуо пояснил, что мужчин всегда больше, чем требуется, поэтому каждый, кто плывет, знает, что его место может быть занято другим, и стремится при первой же возможности этого «другого» нейтрализовать, освободив жизненное пространство для себя.

Мужчины добрались до сухогруза быстрее женщин: они уперлись в борт и стали стучать в него кулаками, дружно и настойчиво, так что я, стоя наверху, почув-

ствовала их силу и злость и невольно представила, что может быть в том случае, если они выйдут из повиновения. Вряд ли их остановят пулеметы. Но такое, конечно, маловероятно. И даже не из-за пулеметов. Бегущие с материка знают, что уйти на сухогрузе — единственный шанс, и разменивать его они не собираются.

«Каппа» качнулась, и начался подъем, мужчины действовали деловито и самостоятельно, взбирались по сети, подбегали к доктору, открывали рот и выпучивали глаза, спрыгивали в трюм. К трюмным люкам тотчас устремились матросы, одни зажигали вонючие санитарные фейеры и кидали их вниз, а другие, вооружившись лопатами, разбрасывали над головами вновь прибывших белый антисептический порошок. Все происходило слаженно и отработанно, погрузка продолжалась.

Вода вокруг «Каппы» кипела китайцами. Они бултыхались возле борта, кричали, убивали друг друга, гроздьями висли на сети, продолжали переваливаться через борт, их было так много, что они не успевали спускаться в трюмы, и скоро вся палуба оказалась заполнена мокрыми беглецами. Я смотрела. Помощник капитана Тацуо, видимо желая произвести на меня очередное впечатление, выхватил револьвер и застрелил несколько китайцев, практически достигнувших цели, но это не остановило прочих, они продолжали и продолжали наступать.

Неожиданно сухогруз дал несколько резких гудков, матрос, стоящий справа от меня, поднял пулемет и дал длинную очередь в воздух; помощник капитана пояснил, что «Каппа» приняла на борт порядка тридцати тонн китайцев, и больше принимать не станет, поскольку сухогруз в его нынешнем состоянии рассчитан только на такое количество.

Однако беженцы не думали униматься, они лезли и лезли по сети, и тогда матросы стали стрелять уже не в воздух.

ХОЛМСК

Холмск поразил меня своими значительными размерами, грязью и бросающейся в глаза нищетой. Некогда относительно небольшой портовый город расплзся по окружающим сопкам и холмам, занял все побережье и теперь решительно походил на огромную кучу отбросов. Перед началом путешествия я использовала наш фамильный доступ к закрытым фондам библиотеки Императорского Университета, где смогла ознакомиться с обширным корпусом литературы, посвященной Тихоокеанскому региону и бассейну Охотского моря, в частности, в моем распоряжении были фотографические альбомы, созданные в самом начале века. В девятнадцатом и двадцатом веках Холмск выглядел аккуратно и привлекательно, теперь же все изменилось в худшую сторону; город одряхлел, выцвел и замшел, не осталось и следа от той веселой зелени, что некогда издали приветствовала мореплавателей и дарила отдохновение их глазам и душам, исчезли аккуратные постройки, сопки, казалось, просели сами в себя, небо над городом приобрело неприятный горчичный цвет, впитав в себя дым и гарь.

Грузовой порт выдвинулся далеко в море пирсами и волноломами, многочисленные башенные краны напоминали любопытные скелеты, угольные терминалы походили на инструменты трудолюбивых великанов, суда, ждущие погрузки, терялись на фоне терриконов и выглядели игрушками; вся эта индустрия размещалась безо всякого явного плана, практически друг на друге, она дымила, лязгала, выпускала пар и ревела сиренами, и было удивительно, что все это работает.

Сам город точно высыпали сверху из жухлого мусорного мешка; в нагромождении кособоких рыжих халуп и двухэтажных, составленных из металлических морских контейнеров барачных не просматривалось

никакой планомерной застройки; в этой бесхозной россыпи серело несколько крупных зданий-пугал, оставшихся от прежних времен.

Я настроилась на долгое и томительное ожидание в бухте, однако, к моему удивлению, все случилось достаточно быстро — «Каппа» причалила к бетонному пирсу, помощник капитана, сопроводивший меня до контрольного поста, посоветовал держаться осторожнее и напомнил, что через три месяца, перед самым началом зимы, судно снова придет в порт Холмска. Кроме того, он пообещал, что закроет мою каюту, и я, если имею лишние вещи, могу их без опаски оставить, никто в нее не войдет до моего возвращения. Перед самым постом помощник покраснел, сказал, что он знает в порту приличное заведение, там подают салат из гребешков, выращенных на изолированных фермах, очень неплохой салат. Я попросила напомнить, как его зовут, и он, конечно же, обиделся.

Сразу за контрольным пунктом меня встретил чиновник из островной администрации, господин Т.; я, кажется, вызвала в нем скорбные чувства — он осведомился, захватила ли я оружие для случая самообороны. Я ответила, что оружие есть, и, распахнув макинтош, продемонстрировала пистолеты. Господин Т. не сильно успокоился и тут же, прямо в порту, надел мне на левую руку браслет, дающий право на ношение и применение револьверов, пистолетов и автоматического оружия на территории префектуры и в трехмильной прибрежной зоне; браслет выглядел уродливо и обхватывал запястье чересчур плотно.

— Ношение и хранение огнестрельного оружия на острове строго запрещено, — пояснил господин Т. — Любой, нарушивший положение, подлежит немедленному уничтожению без расследования. Разумеется, на свободных подданных императора этот запрет не распространяется, но формальности должны соблю-

даться, это остров. Вам, как путешественнице, иметь оружие надлежит обязательно. Да, наши китайцы безропотны и безобидны, однако среди каторжных имеют место случаи бегства.

И господин Т. рассказал, что весной из Александровской тюрьмы бежали шестеро заключенных, которые впоследствии три месяца терроризировали население, творили насилия, грабежи и иные бесчинства; что для их поимки пришлось снять команду с миноносца. Побег, по словам господина Т., явление регулярное. Однако каторжные бегут не от непереносимых условий, от жажды воли или от тоски по дому, а в основном из-за своих дурных наклонностей. Остров закрыт так надежно, что за все время изоляции и существования каторжных тюрем не было зафиксировано ни одного подтвержденного случая удачного бегства. Бегут не для свободы, а для того, чтобы погулять. Как правило, такие побег заканчиваются зверствами, творимыми беглецами над поселенцами, поджогами имущества, прочими злодеяниями, нападениями на посты береговой охраны, уничтожением коммуникаций.

Обычно в таких побегах участвуют несколько каторжных, причем практически всегда это бессрочные, сосланные на Сахалин без права возвращения на родину и пребывающие в каторге до состояния недееспособности. Те, кто прислан отбывать каторжные работы на десять, пятнадцать и двадцать лет и имеют надежду перейти в состояние ссыльных, бегут редко, причиной их побега в основном становятся тяжелые условия содержания, изнуряющие работы и притеснения со стороны тюремных надзирателей. Впрочем, имеются и так называемые «регулярные беглые» — каторжники, отправляющиеся в бега в начале лета и возвращающиеся к наступлению первых холодов; тюремная администрация выписывает такому полсотни ударов палками

и отправляет на месяц в карцер, после выхода из карцера каторжный живет как ни в чем не бывало и потихоньку готовится к новым странствиям. Такие беглецы не чинят безобразий над поселенцами, а бродяжничают по острову, иногда добираясь до северных его районов, промышляют собирательством и мелким воровством. Обычно они не опасны. Но вот беглецы из первой категории отчаянны и зачастую кровожадны, так что господин Т. настоятельно рекомендует держать оружие при себе и днем, и ночью.

— Завтра мы предоставим вам охрану, сегодня же вам лучше воздержаться от прогулок по городу без сопровождения.

Господин Т. позвал рикшу, мы погрузились в довольно опрятную велотележку, и рикша бодро потянул нас прочь из порта, в гору, на холм, где раскинулся японский квартал. Рикша попался старательный и расторопный, бежал быстро, но плавно, умело огибая колдобины и ямы, так что я смогла осмотреть город без особого дискомфорта.

Если закрыть глаза на обильное китайское население и нищету, Холмск мало чем отличается от безобразных приморских городков, во множестве разросшихся в последнее время в наших западных префектурах. Порт и прибрежная индустриальная полоса, за ней жилой сектор, затем холмы с домами подданных первых категорий. Город густо и сверх ожидания населен, смраден и тесен, в нем не видно следов использования электричества, дороги скверны, движение бессистемно, что, однако, не препятствовало нашему продвижению, — встречные китайцы расступались, снимали шапки и кланялись, а если кто умудрялся заезваться, рикша загодя предупреждал его свистком.

В пути господин Т. рассказал про Холмск. Про то, что город развивается в соответствии с утвержденным планом, строится порт, крупнейший на острове, он

обеспечивает около восьмидесяти процентов грузо-перевозок, восстановлена ведущая на север железная дорога, запущен проект по разработке и вывозу оставшихся плодородных почв, одним словом, индустрия на подъеме, если нужны данные, он может предоставить. Я спросила насчет населения, господин Т. ответил, что население стабилизировано ориентировочно на полутора миллионах, и есть еще ресурсы по сокращению; впрочем, увеличение численности администрацию префектуры не пугает — здешние инженеры разработали технологию обогащения земли питательными элементами и прессования ее в питательные брикеты, что отчасти снимает продовольственную проблему. Индустрия растет поступательно, в частности, два года назад запущена и успешно функционирует модельная электростанция, работающая на сушеных мертвечах, пропитанных отработанным торфяным маслом. Эта электростанция обеспечивает энергией четыре рыбных садка и освещает центральную улицу. Точных данных о количестве смертности, равно как и рождаемости, у господина Т., по понятным причинам, нет, однако каждый год только из Холмска в Японию отправляется примерно двенадцать тысяч условно пригодных к труду лиц в возрасте до двадцати лет, что превышает норму в полтора раза, если экстраполировать это на примерное число женщин фертильного возраста...

Наша коляска катилась по однообразным нешироким грязным улицами; когда-то они были чисты и просторны, и возможно, здесь росли деревья; сейчас же все это сгнуло, улицы сузились под натиском полутора миллионов китайцев и корейцев, пришедших сюда с континента, по сторонам высились бараки с многочисленными пристройками, надстройками, переходами и дверями, в которые с трудом протиснулся бы взрослый человек, походившие, скорее, на обиталица насекомых, а не на человеческое жилье. Лишь

иногда сквозь убогую личину новой жизни проступали очертания прежнего — красивый дом с полукруглыми окнами и свободной крышей, высокое трехэтажное здание, выкрашенное неожиданно розовой краской, водонапорная башня, в баке которой размещалось нечто похожее на обсерваторию.

Коляска мягко покачивалась на рессорах, господин Т. монотонно бубнил про вывоз рабочей силы и строительство третьей очереди опреснителя, я же после недели на борту «Каппы» почувствовала усталость и близкий сон, однако старалась держаться и проявлять вежливый интерес к рассказам сопровождающего. Думаю, рано или поздно я бы уснула, но внезапно послышались крики, и рикша остановился, в испуге обернувшись на нас; господин Т. рассердился, несколько раз хлестнул рикшу по шее и отчитал его за неверно выбранный маршрут.

— Извините меня, — вздохнул господин Т. — Я совершенно забыл, что сегодня надо держаться подальше от площадей. Но теперь уже поздно отворачивать.

Отступить было действительно нельзя — толпа прибывала, выдавливаясь из домов и проулков, я никогда не видела столько китайцев. На нас они старались не смотреть, огибали, оставляя между собой и повозкой просвет, спеша вперед, где между строениями просматривалось свободное пространство.

— Что там происходит?

Рикша улыбнулся и несколько раз кивнул.

— Это некий обычай, — сказал господин Т. с некоторой долей брезгливости. — Своеобразный здешний феномен, если есть желание посмотреть, то извольте... Боюсь, это может показаться вам варварским, но с познавательной точки зрения... Очень хорошо характеризует нашу нынешнюю жизнь.

Господин Т. печально вздохнул, я увидела, что он еще не очень старый человек, хотя, как и многие

здесь, выглядит значительно старше. А местным обычаем полюбоваться я согласилась. Т. отдал приказ рикше, и тот принялся свистеть пронзительнее и проталкиваться вперед, используя для этого силу своих плеч и иногда короткую плотную дубинку из черного материала — по-видимому, дубинка эта оказывала болезненное действие, во всяком случае, китайцы разлетались по сторонам, как деревянные шары. Благодаря этим усилиям мы сумели быстро продвинуться глубоко в толпу и оказались на площади. Мы покинули палантин и поднялись на особое возвышение, откуда было удобно наблюдать за происходящим.

Здесь собрались в основном китайцы в серых мешковинах и пластиковых халатах, их присутствовало подавляющее количество, однако я заметила и некоторое число каторжных; они были обряжены в одинаковые комбинезоны из брезентовой ткани и по старой каторжной традиции носили на спинах пришитые желтые ромбы. Каторжные держались отдельно от китайцев, большинство имели на руках и на ногах кандалы, а некоторые держали у ног железные ведра. Собравшиеся волновались, пребывая в приподнятом настроении, они оживленно переговаривались и ожидали начала.

— А что это за обряд? — поинтересовалась я.

— Мордование негра, — ответил господин Т. — Сегодня шестое, а шестого и девятого числа каждого месяца у нас мордование негра, вы не слышали?

Господин Т. указал в центр площади, где доделывали невысокий, в половину человеческого роста, помост из досок и автомоторных покрышек, из центра помоста торчал крепкий высокий столб. Вокруг столба бродил удивительно упитанный человек, на шее его болталась свернутая удавкой веревка длиной метра в четыре. Руки и ноги у него тоже оставались свободны; я отметила, что привязанный к столбу человек

вовсе не негр, а скорее латино, южный американец. Господин Т. пожал плечами и ответил, что причина подобного названия ему неизвестна, видимо, первый из замордованных в эти дни был негром, а потом и название, и сама традиция прижились и распространились по остальному острову.

— Здесь у нас мало развлечений, — сказал господин Т. — Особенно у каторжных и ссыльных. Так что многие ждут этих дней с нетерпением, готовятся к ним. Это большие праздники, особенно для нас — мы не можем себе позволить такой размах, как в прочих местах.

Господин Т. стал сравнивать Холмск с другими населенными пунктами префектуры, в частности с обнаглевшим Южным, который, по уверению господина Т., совершенно бесполезен для острова, более того, вреден, поскольку проживающие в нем китайцы, корейцы и прочий сброд давно утратили страх, они объединяются в секции и наращивают экономическую мощь. Того и гляди мы получим у себя под боком миллион кровожадных дикарей. Центр не видит этой проблемы, а между тем она назрела и вот-вот полыхнет, а части самообороны, находящиеся на острове, пребывают в известной степени разложения, причем государственно ориентированные чиновники, военные и коммерсанты не перестают доносить до руководства горькие слова истины. В частности, он, господин Т., имеет ряд предложений по организации и оптимизации, а именно: необходимо возобновить практику «ночей клинка» в окрестностях Южного — это во-первых, во-вторых, имеются простые, но чрезвычайно эффективные соли и агенты, опробованные еще во время кампании в Индокитае, достаточно распылить эти соли и агенты в надлежащем количестве над Южным, и среднегодовое количество осадков сократится в три с половиной раза, что положит решительный

предел этой ползучей реконкисте. А в-третьих, — тут господин Т. переключился на шепот, — в-третьих, настоящие патриоты, коих немало еще осталось даже здесь, эти патриоты давно думают — господин Т. оглянулся, — думают о том, что неплохо бы вспомнить старое доброе время, когда высоко и гордо реяли флаги...

Сказав это, господин Т. пошевелил глазами, сдвинул рукав и как бы невзначай продемонстрировал татуировку. 731. Я ничуть не удивилась.

Тем временем действо, ради которого мы собрались, началось. Затрубили, толпа сдвинулась, и в упитанного негра стали бросать камни и все подручное — гайки, раковины, палки.

Негр, невзирая на комплекцию, оказался человеком довольно вертким — он умудрялся уклоняться от брошенных в него предметов, причем делал это до того ловко, что некоторые снаряды перелетали в толпу китайцев и калечили их. Среди самих китайцев это вызывало энтузиазм, никто и не подумал отступить или использовать что-нибудь для своей защиты, напротив, они, казалось, с удовольствием получали удары, встречали их смехом, причем, если камень или гайка наносили ощутимый ущерб — рассекали лоб или выбивали зубы, толпа начинала радостно гудеть, а некоторые сразу кидались собирать в пыли площади выбитые зубы, зачем — непонятно, вполне возможно, из них потом приготавливали лекарства или носили их как амулеты от сглаза или как украшения, не знаю.

Господин Т. заметил, что кидать в негра могут лишь каторжники или же японцы, вышедшие в состояние поселенцев, китайцам дозволено мордовать иначе — плевать и поносить американца бранными словами. Я спросила, что это за каторжные с ведрами? Первоначально я полагала, что в ведрах они держат метательные снаряды, но потом заметила, что нет; к тому же ведра были достаточно тяжелы — лишь не-

многие из них могли удерживать их на весу, большинство ставили к ногам.

Господин Т. пояснил, что это так называемые Прикованные к ведру — каторжные, совершившие тяжкие преступления и отныне обязанные всюду носить с собой ведра, заполненные свинцом. Вес ведра определяется тяжестью проступка, некоторые ведра так тяжелы, что каторжные не могут полноценно перемещаться даже внутри территории тюрьмы, у других же вес относительно небольшой, и они могут относительно свободно путешествовать по острову для производства различных работ, разумеется, это они делают под надзором тюремного старосты или солдата. Если патруль или надзиратель заметит, что Прикованный к ведру перемещается без ведра, то такому нарушителю немедленно выписывается до тридцати палок, а за повторное в течение года нарушение и до пятидесяти.

Я спросила, какой смысл в этом странном установлении — разве может ношение тяжелого ведра способствовать исправлению осужденного, на что господин Т. ответил, что скоро я перестану искать смысл в каторге, потому что его нет. Что-что, а исправление осужденного в задачи тюремного начальства не входит.

Между тем мордование продолжалось: американец сумел раззадорить публику, он корчил рожи и оскорбительно оголял задницу и, когда это вызывало ропот негодования и шквал снарядов, отпрыгивал в сторону или подставлял под камни брюхо. Тактика его, насколько я поняла, заключалась в следующем — как можно быстрее двигаться и держаться возле столба, который хоть немного прикрывал от ударов. Кроме того, защитой служил и жир, покрывающий тело негра, и, хотя по лицу и телу американца в изобилии текла кровь, я отметила, что серьезных повреждений нет, а ужасные кровавые раны есть не более чем рассечения кожи и жирового

слоя. В сущности, весь этот кровавый спектакль есть не что иное, как цирк, представление, корнями, да и названием своим восходящее к легендарному американскому реслингу, в котором, как известно, одни негры притворно ристались с другими.

Господин Т. сказал, что бывает по-разному: случается, что публика входит в азарт и тогда мордуемого закидывают насмерть, а случается и наоборот — мордуемый вызывает у публики уважение своей наглостью, ловкостью и храбростью, так что вместо камней, железок и плевков ему кидают что-то из провизии, особенно в конце. Иногда на площадь являются специально обученные метатели, чьи броски поражают негров с высокой эффективностью, ломают кости, разрывают плоть и отсекают пальцы, и для мордуемого такой расклад, разумеется, много шансов на успешный финал не оставляет. Но в целом смертельный исход не приветствуется — с каждым годом американцев становится все меньше и меньше, и очень скоро их может не остаться совсем. А между тем присутствие в поселении негра для битья весьма благотворно сказывается на психологической атмосфере поселенцев и на социальной сфере.

На мой удивленный взгляд господин Т. улыбнулся и сказал, что наличие кого-то еще более угнетенного пробуждает во многих поселенцах нравственные чувства, но особенно в присутствии негра возвышается национальный дух, улучшается единство народа, многие после представлений приобретают портреты Императора и записываются в добровольческие фаланги. Как бы в подтверждение этого утверждения в негра угодил чугунный черепок, брошенный кем-то с силой и высоким умением, чугун отсек негру ухо и, видимо, задел крупные кровеносные сосуды, поскольку кровь не просто потекла, но брызнула тонкой струйкой. Негр повалился на землю, одной рукой он зажимал кровь,

другой шарил вокруг себя в поисках оторванного уха; толпа загоготала и вдруг затянула незнакомую песню, в которой присутствовали слова о далекой родине, забывшей своих непутевых детей, о ненаглядной и единственной, которая устала ждать, глядя на молчащее море, о том, что самое сладкое вино чужбины всегда горше скупых слез отчизны, образ которой хранится в сердце каждого. Негр нашел ухо и комически пытался приставить его к голове, в негра больше не кидали, господин Т. заметил, что это хороший негр, исправный, публика его любит и со свойственным нации милосердием не желает непременно негритянской гибели. Так уже в первый день моего пребывания на острове я стала свидетелем чрезвычайно интересного и вместе с тем несколько бесчеловечного спектакля; видимо, глядя на то, как негр пытается приставить к голове свое утраченное ухо, я невольно поморщилась, на что господин Т. предложил:

— Если хотите, можете его пристрелить. У вас ведь, кажется, есть оружие?

— Кого? — не поняла я.

— Негра.

Он с совершенной серьезностью кивнул на помост. Видя мое еще большее удивление, господин Т. сказал:

— Я думаю, вам мы простим эту маленькую слабость. Ваши предки так много сделали для нашей страны, что вы можете позволить себе несколько больше других.

Я могла бы не удивляться — недавно, во время визита на Монерон, помощник капитана предлагал пострелять по китайцам, так что комплимент господина Т., надо признать, совсем уж таковым не был.

— Более того, — улыбнулся господин Т., — вы окажете нам большое уважение...

Я ответила, что у меня, разумеется, есть слабости, однако отстрел негров к ним не относится, и вообще,

я считаю, что от таких привычек следует отходить, и при чем тут вообще уважение? Как можно выказать кому-либо уважение таким странным способом?

— Это Сахалин, — пояснил мой провожатый. — Здесь свои представления, зачастую самые причудливые...

Позже господин Т. несколько смутился, извинился за бестактное предложение, но отметил, что, если у меня вдруг возникнет желание, я могу пристрелить любого каторжного, не снявшего при моем появлении шляпу, оставшегося сидеть или посмеявшего посмотреть в глаза. Если же мне вздумается пристрелить китайца, я могу это также сделать беспрепятственно, за исключением маленькой формальности — потом надлежит заполнить уведомительную карточку и сдать ее в участок. Корейцев можно стрелять без ограничений. Разумеется, добавил господин Т., стрелять в женщин, детей и подростков запрещено, равно как и в лиц свободного состояния.

Все это было сообщено будничным и усталым голосом, отчего смысл сказанного не сразу достиг моего сознания. Я слышала о дикостях и варварстве, распространенном на Северных Территориях, и кое-что наблюдала сама, но я и предположить не могла, что подобное происходит с ведома, а то и под эгидой администрации. Закрытость и недоступность Сахалина для посещений породила в японском обществе множество слухов, которым просвещенная публика не склонна верить, но первые же часы моего пребывания здесь внушали подозрения, что не все слухи являлись плодом фантазии.

Я спросила, почему сам господин Т. не носит с собой оружия. Он не ответил, лишь пожал плечами. Впоследствии я неоднократно замечала эту особенность среди свободных японцев Сахалина — оружие с собой не имел при себе почти никто. Сначала я думала, что

это объясняется презрением к окружающему их безвольному контингенту, бесстрашием, верой в судьбу, но потом поняла, что причины несколько иные.

Меж тем торжество продолжалось. Окровавленного негра унесли прочь, толпа, распевая народные песни и славя Императора, бушевала, ударили барабаны, сначала нестройно, потом в ритм, все громче и громче, и вот разрозненные ритмы слились в один, воздух наполнился вибрацией и силой, звук проник в толпу, подхватил ее и объединил. Рядом со мной прыгали, постепенно к прыжкам присоединялись новые и новые китайцы, и вот уже скакала вся площадь. Кислород заканчивался, земля плясала под ногами, меня повело, но господин Т. вовремя поймал за руку, я увидела его лицо, озабоченное и чуть снисходительное, как бы сообщающее — это Сахалин. Это Сахалин, и ничего с этим не поделаешь.

Наверное, я побледнела, поскольку господин Т. испугался. Он провел меня до рикши, который оказался немного избит. Необходимо принять пилюли и хорошенько отоспаться, судя по всему, у меня началась акклиматизация, вернее сказать, адаптация — мой сухопутный организм не очень хорошо перенес морской переход, и теперь в ближайшие дни я буду испытывать определенный дискомфорт. Это все господин Т. кричал мне в ухо, поскольку шум на площади стоял невообразимый, равно как и вонь, которую я вдруг стала замечать.

Потом рикша бежал, а я глядела по сторонам, точнее, в одну сторону, чтобы голова кружилась меньше.

Японский квартал Холмска мало отличался от кварталов, в которых проживает просвещенное сословие в самой Японии. Небольшие аккуратные домики, брусчатая мостовая, простор и воздух, тротуары, до которых долетает свежий морской ветер; конечно, от вида на грязный порт и китайские кварталы никуда не

деться, но через некоторое время я с ним смирилась и перестала замечать.

Я остановилась в небольшом отеле «Хрустальный ручей», в хорошем чистом номере с видом на горы; в отеле имелось все необходимое, и я, впервые за время своего путешествия, смогла принять ванну и нормально помыть голову. Приближался вечер, я заказала в номер чай и, закутавшись в плед, устроилась на балконе; передо мной расстилались укрытые туманом горы, я смотрела на них, и предчувствие чего-то необыкновенного заставляло учащенно биться сердце, в первую же ночь моего пребывания на Сахалине пришел шторм. По утверждению горничной, пожилой женщины, двадцать лет назад присланной сюда за поджог и пять лет как переведенной в поселенческое состояние, сильные шторма в это время года скорее исключение, нежели правило, обычно погода ровная, а ветры умеренные, правда, в этом году жарко, очень жарко. Но в тот вечер пришел шторм.

Я чувствовала себя нехорошо и непривычно и, полюбовавшись волнами четверть часа, устроилась ко сну. Действительно ли началась адаптация к суше, про которую говорил господин Т., повлиял ли на это сегодняшний распорядок дня, не знаю; так или иначе, спала я крайне плохо, мне чудились крошки в постели, и сначала я пыталась с ними мириться, но потом испугалась, что это клопы... К счастью, это были не клопы, а всего лишь моя расшалившаяся психика, но все равно я просыпалась еще несколько раз и проверяла простыни, а еще мне слышался Ину, продавец зонтиков, в эту ночь он не выл и не стучал ногами, а негромко скребся ногтями по стене.

Утром стало хуже. В желудке появился кислый спазм, точно я проглотила согнутый замороженный и заточенный китовый ус, и теперь он в соответствии с заветами алеутских охотников медленно распрям-

лялся в животе. И навалилась необыкновенная слабость, пол качался, так что приходилось держаться за стены, в ушах буйствовало вчерашние барабаны, и невидимые миру клопы набрасывались на меня, едва я пыталась прилечь. Наверное, поднялась температура, при температуре бывают странные эффекты.

На ноги я смогла подняться ближе к вечеру, да и то не без помощи походной аптечки и отвара, приготовленного горничной. Отвар этот следовало не пить, а прикладывать компрессом ко лбу, и он оказался чудодейственным. Болезнь моя, впрочем, приключилась весьма кстати — ночной шторм учинил в порту множество разрушений, так что глава префектуры, загруженный многочисленными и неотложными делами, перенес нашу встречу на завтра. Город погрузился в суету и беспокойство — шторм вынес к берегу несколько судов, и теперь их разгружали и пытались снять с мелей; в порту тоже случились серьезные повреждения, это угадывалось по дыму, периодически возникавшему то тут, то там, и по сиренам пожарных катеров в акватории, и по газовым факелам, вспыхивающим над холмами, и по огню, текущему по воде.

Я провела весь день в кровати, поглядывая в окно и изучая довоенные книги, весьма кстати оказавшиеся в номере, — в основном литература о минеральных и биологических богатствах острова, весьма познавательная. Книги меня увлекли, и я не заметила, как подкрались сумерки, неожиданно светлые и неожиданно розовые; меня заинтересовал необычный для этих широт цвет, и я поднялась на крышу отеля, где располагалась летняя веранда и откуда прекрасно просматривались порт и бухта.

Никогда раньше я не видела таких насыщенных цветов; ветер за день изрядно раздул пожар, и теперь вдоль воды тянулась полоса бешеного огня, поднимавшаяся до небес и распространявшаяся вокруг оранжевое

сияние. Мощное, в чем-то величественное, грандиозное зрелище, которое трудно, да, наверное, и невозможно увидеть за проливом, дома.

Пожар продержался до утра, я не стала ждать его окончания. Горничная принесла очередную порцию отвара, на этот раз с мятой и с сиропом из пахучей местной ягоды, видимо, той самой клоповки, она и на самом деле несколько попахивала, но не клопами, а скорее керосином, клопы, пристрастившиеся ко мне прошлой ночью, отступили, пусть и невидимые, но клопы не любят запах керосина.

На следующий день в десять часов за мной прислали посыльного с рикшей, я быстро привела себя в порядок и буквально несколько минут спустя оказалась на приеме у префекта Карафуту. Он принял меня в деловой обстановке в своем кабинете, в котором недавно завершилось совещание, посвященное вопросам муниципального хозяйства, в кабинете до сих пор висел дым и на полу в изобилии валялась рваная бумага и ошметки растоптанной бамбуковой корзины. К сожалению, в мои формальные обязанности наблюдателя включена необходимость в посещениях чиновников губернаторства. Профессор Ода не видел смысла в этом, однако настаивал на исполнении протокола, помимо этого, я по возвращении обязалась составить записку о настроениях среди гражданского и военного контингента острова. Так что я заранее запаслась терпением и решила воспринимать эти визиты как неминуемое зло.

— Я имел честь знать вашего батюшку. — Господин префект Карафуту пожал мне руку. — А ваш дед служил с моим отцом на Иото. В те самые деньки, в те самые деньки, да...

— Он рассказывал. Без сомнения, это были великие времена.

Некоторое время мы, отдавая дань приличиям, вспоминали доблести отдаленных и не очень предков,

а исчерпав исторические пересечения наших семей на полях славы Империи, приступили к настоящему, и префект по моей просьбе вкратце рассказал о состоянии дел на Сахалине:

— Насколько я знаю из бумаг, вас интересует положение дел каторжных категорий населения. Должен отметить, что вопрос о реорганизации каторжных тюрем давно уже приобрел насущные черты. Без должного финансирования местная администрация не в состоянии наладить надежное содержание, про исправление же говорить не приходится...

Префект вздохнул с такой искренностью, что я на секунду поверила, что ему действительно не безразличны судьбы заключенных и поселенцев.

— Не совсем так, — ответила я. — Передо мной не стоит конкретных задач по инспекции островных учреждений, в том числе и исправительных, хотя их посещение и входит в мои обязанности. Академию Наук, Университет и Департамент Этнографии, в частности, гораздо больше интересует общая картина. Этаким очерк о положении дел в префектуре. Впечатления свежего человека. Вы же знаете, режим изоляции настолько строг, что до Академии не доходит практически никакой информации, а это, в свою очередь, порождает подчас крайне искаженное представление о существующем положении дел.

— Да-да, — кивнул префект, — понимаю. Это важно. Положение дел, да...

Показалось, что и он не поверил, заподозрив во мне тайного агента. Странное предположение — если бы я действительно являлась тайным агентом, то гораздо логичнее было прибыть на остров в качестве каторжного, вольнонаемного, но никак не в открытую.

— Положение дел у нас не очень веселое. — Префект подошел к окну, сдвинул жалюзи. — Положение у нас сложное и скверное...

Перенаселение, голод, эпидемии. Земля истощена. Чистой воды катастрофически не хватает. Биологические ресурсы использовать невозможно — экосистема серьезно разрушена, заражение прибрежной территории и рек позволяет использовать воду исключительно в технических целях. Лес вырублен, а тот, что не вырублен, выгорел, либо засох, либо не пригоден к переработке. На сегодняшний день на острове приблизительно пятнадцать тысяч каторжных, из которых более четырнадцать тысяч — мужчины. Около ста тысяч лиц вольного состояния, включая администрацию, солдат и чиновников. Порядка пятнадцати миллионов условно свободных, им разрешено перемещаться по острову, но не покидать его. Велика вероятность, что условно свободных гораздо больше. И разумеется, никакой статистики не ведется.

— Как обстоит дело с промышленностью? — спросила я. — Судя по вашему порту, она развивается в соответствии с планом.

— Сахалин дает меньше трех процентов валового продукта Империи, — отмахнулся префект. — Итуруп с его вулканами и копиями — десять. Промышленность на острове не главное...

— А что главное?

— Каторга, — ответил префект. — Разумеется, каторга в широком смысле — это не три каторжные тюрьмы и не несколько тысяч бессрочных поселенцев. Каторга — это всё, что вы видите вокруг.

Префект постучал по стене согнутым пальцем; получившийся звук был не каменным, а скорее картонным.

— Сахалин — это всего лишь буфер, — сказал префект. — И у него достаточно простые функции. С одной стороны, он вбирает в себя нежелательные элементы социума Империи — убийц, разбойников, растлителей, психопатов и прочих негодяев, даже малое количество которых может разрушить любое об-

щество. С другой — Сахалин принял всех, кто бежал после Войны с материка. И до сих пор принимает. Если говорить проще, это огромная...

Префект применил для характеристики вверенной ему территории выражение, малоупотребимое в приличном обществе, но, на мой взгляд, характеризующее остров как нельзя точно.

Префект заметил, что смутил меня своей матросской лексикой, смутился сам и попытался сгладить грубое впечатление:

— Сахалин — благо для мира и ад для его обитателей, так бы я сказал. Остров — последний рубеж перед наступающими силами хаоса. Мы здесь как некие полуденные стражи...

Я давно заметила одну особенность — многие чиновники средней руки обожают философствовать вслух. Они точно ждут слушателя, и стоит тебе только появиться, как чиновник начинает рассуждать про смысл бытия, предназначение человека и тяжелый крест, причем это всегда заканчивается неременной жалобой на скудное содержание. Поэтому, чтобы не доводить столь почтенного чиновника до жалоб, я переключила разговор на другую тему.

— А как обстоит дело с мобильным бешенством? — аккуратно поинтересовалась я. — Общество хочет знать, надежно ли защищен остров от проникновения инфекции с материка? Потому что ходят некоторые тревожные слухи...

— Абсолютно защищен, — заверил префект. — Вы же знаете, в связи с изменениями климата пролив никогда не замерзает. В нем регулярно дежурят суда береговой охраны, само побережье острова патрулируется, через каждые двадцать километров расположены посты. Ветер всегда восточный, так что пересечь воду сложно... Справедливости ради надо признать, что последний случай зарегистрирован около шести лет